

Михаил
Попов

БАРБАРОССА

Морской авантурный роман

Михаил Попов

Барбаросса

«ВЕЧЕ»

1997

Попов М. М.

Барбаросса / М. М. Попов — «ВЕЧЕ», 1997 — (Морской авантюрный роман)

ISBN 978-5-4444-8920-8

Начало шестнадцатого века, в водах Северной Африки хозяйничает алжирский пират Харудж Барбаросса (Краснобородый). Личный друг турецкого султана и заклятый враг испанского короля, Барбаросса, благодаря своей воле, жестокости и коварству, проделал невероятный путь от раба на галере до властителя Алжира. Однако испанцы не пожелали мириться с властью Барбароссы на суше и на море и всеми силами старались низвергнуть самозванца-правителя...

ISBN 978-5-4444-8920-8

© Попов М. М., 1997

© ВЕЧЕ, 1997

Содержание

Первый пролог	6
Второй пролог	9
Часть первая	12
Глава первая. Галера и галиот	12
Глава вторая. Монах и монарх	26
Глава третья. Харудж и Алжир	30
Глава четвертая. Монах и кардинал	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Михаил Попов

Барбаросса

© Попов М.М., 1998

© ООО «Издательство «Вече», 2008

* * *

Первый пролог

Никогда прежде Нерон не видел снов. Они начали являться к нему после убийства матери. Ему снилось, что он правит кораблем, но кормило не слушается его, ускользает, превращается в змеиное туловище. Ему снилось, что жена Октавия медленно увлекает его в густой черный мрак и стаи длинных, крылатых муравьев витают над ним и сыплются на него. Иногда он видел во сне, как статуи, воздвигнутые в театре Помпея, обступают его толпой и угрожающе молчат; его любимый испанский скакун превратился сзади в обезьяну, а голова осталась лошадиной и издает громкое ржание; в мавзолее сами собой распахнулись двери, и послышался голос, зовущий Нерона по имени.

Император вскочил и уселся на пропотевшем ложе.

В комнате никого не было. В бронзовых жаровнях дотлевали последние угли. Там, где он спал, всегда жгли ароматические вещества, потому что величайший из римлян отвратительно пах. Этот запах родился вместе с ним и только вместе с ним должен был умереть.

Император встал и на невероятно худых босых ногах пошел к выходу. Отодвинул тяжелую расшитую занавесь и выплянул.

Никого!

В комнате не было телохранителей, у входа в комнату не было стражников.

По крупному, неприятному несмотря на довольно правильные черты лицу пробежала судорога. Нерон медленно пригладил короткие рыжие волосы и опустил руки на свой выпуклый живот. Его часто заставляли в этой позе, она говорила о том, что император находится в состоянии тягостной задумчивости.

На этот раз Нерон находился в этом состоянии недолго. Он быстрым шагом двинулся вдоль по пустому дворцовому коридору, останавливаясь у каждой двери и стуча в нее кулаками.

Ему никто не отвечал.

Дворец будто вымер.

Что-то бормоча себе под нос, шлепая подошвами по холодному камню, Нерон вернулся в свою спальню и обнаружил, что с его ложа уже исчезли простыни, исчез и ларчик, в котором он хранил яд.

– Спикул! – крикнул в отчаянии Нерон. – Спикул!

Но гладиатор не явился.

– Спикул, приди! Я хочу принять смерть от опытной руки!

Император кинулся вон из спальни и, приволакивая ногу, побежал к лестнице, что спускалась к Тибру. Может быть, он хотел броситься в его темные воды. Даже наверное хотел. Но решимости ему не хватило.

У последнего спуска он замер, шепча:

– У меня нет ни недруга, ни друга.

В этом положении его застали Фаон, Спор и Эпафродит.

Он был так растроган их появлением, что даже прослезился. На их вопрос, что император тут делает, Нерон процитировал им последнюю строку из «Эдипа-изгнанника»¹.

– «Жена, отец и мать мне умереть велят».

Все трое в один голос начали уговаривать его повременить с этим делом. Поскольку во дворце находиться было опасно – в любой момент здесь могли появиться люди Гальбы, – они советовали императору скрыться в укромном месте, где можно было собраться с мыслями и силами.

---

¹ ...строку из «Эдипа-изгнанника». – Автор приводит строку из трагедии неизвестного древнегреческого поэта-драматурга.

– Разве есть укромное место в этом мире всеобщего злодейства?

Фаон предложил для этих целей свою усадьбу, что стоит между Соляной и Номентанской дорогами всего в четырех милях от Рима.

В императоре внезапно проснулась решительность. Он велел подавать коней. Как был, босой, в одной тунике, он взобрался на серого жеребца. Ему подали плащ, дабы он мог укутать голову, и платок, чтобы прикрыть лицо.

Стоило небольшой кавалькаде покинуть Сервилиевы сады, как небо распорол вспышка небывало сильной молнии и раздался раскат ужасающего грома. Всадники мчались по улицам, полным народу. «Они посланы за Нероном», – услышал Нерон вслед. Раздался второй удар грома, и конь императора шарахнулся в сторону, лицо беглеца раскрылось. Отставной солдат-преторианец, узнав его, отдал ему честь.

Доскакав до поворота Соляной дороги, Нерон велел отпустить коней, и люди стали пробираться сквозь кусты и терновник. Шли очень медленно, потому что императору все время приходилось подстилать под ноги плащи.

Наконец выбрались к задней стене виллы. Фаон посоветовал Нерону укрыться в яме, из которой брали песок для строительства, пока он сходит в дом и проверит, нет ли там засады.

– Я не пойду живым под землю.

Ожидая, когда вернется верный вольноотпущенник, император нестерпимо захотел пить. Он потребовал вина, но никто не в силах был ему подать даже воды. Спор просил его немного подождать, ибо в доме у Фаона вино, несомненно, отыщется. Не обращая внимания на его благоразумные рассуждения, Нерон подошел к первой попавшейся луже, из которой, может быть, мгновение назад лакали собаки, и, зачерпнув оттуда, выпил. После этого он горько сказал:

– Вот напиток Нерона.

Наконец можно было пробираться на виллу. Чтобы появление императора осталось в тайне, ему пришлось на четвереньках лезть через узкий, вырытый под забором проход. Плащ его был изорван, лицо оцарапано. Едва добравшись до первой каморки, он свалился на тощую подстилку, прикрытую ветошью, но спать не стал, страшась сновидений.

Потребовал еды. Ему дали обычный хлеб, ибо ничего другого не было. Он с возмущением отказался.

– Снимите с меня мерку.

Фаон и Эпафродит поинтересовались зачем.

– Снимите с меня мерку и тут же, возле дома, на моих глазах выройте по ней могилу. Принесите воды и дров, без них не управиться с трупом.

Нерон дал еще несколько приказаний, свидетельствующих, что он принял решение умереть. Причем каждое приказание император сопровождал причитанием:

– Какой великий артист погибает!

У него на глазах посыльный вручил Фаону некое письмо. Император, проявив внезапную ловкость, выхватил его из рук вольноотпущенника. Прочитав написанное, побледнел.

Это было постановление сената, в нем Нерон объявлялся врагом, и всем, кто его увидит, надлежало схватить императора для предания казни по обычаю предков.

– Что это за казнь?

Спор, понутив голову, сказал:

– Тебя разденут догола, голову зажмут колодкой и будут сечь до тех пор, пока ты не умрешь.

Нерон вытащил два кинжала, захваченные в последний момент. Опробовал их острия, выбирая более надежный. Но нанести себе удар не смог.

– Нет, час еще не пробил.

Но, сказав это, он велел Фаону, Спору и Эпафродиту начинать крик и плач по нему, как по уже умершему.

Они отказались. Тогда император схватил Фаона за грудь и взмолился:

– Помоги мне, помоги! Я не могу умирать один. Покажи мне пример!

Вольноотпущенник ничего не успел ответить, как император рухнул на свое ложе и стал причитать:

– Дальше жить нельзя, будь разумен, дальше жить нельзя! Ты гнусен, Нерон, ты гнусен!

На улице послышался стук копыт. Это были те, кому велели захватить его живым. Император в трепете выговорил:

– Коней, стремительно скачущих, топот мне слух поражает.

После этого велел Эпафродиту, своему советнику по прошениям, взять кинжал обеими руками и выставить вперед. Более не раздумывая, с открытыми глазами Нерон бросился на острие грудью.

Когда ворвался центурион, посланный за ним, он еще дышал. Офицер наклонился, чтобы зажать его рану плащом: ему было велено доставить преступника живым. Нерон прошептал: «Вот она, верность» – и испустил дух.

Второй пролог

Шатер императора Священной Римской империи Фридриха I Гогенштауфена стоял на большом зеленом холме. Слева его подножие обтекал небольшой извилистый ручей, справа обнимала пышная ореховая роща. И возле ручья и в роще было полно людей, лошадей и собак. Все они пребывали в слегка возбужденном, говорливом состоянии. Трехдневная передышка, данная старым императором войскам, закончилась. Было объявлено, что сегодня поход продолжится.

Третий крестовый поход.

У входа в огромный белый, украшенный синими ромбами и желтыми лентами шатер собрались все главные военачальники. Справа от входа первым стоял Николай Цорн, предводитель тяжелой рыцарской кавалерии, за ним Отто Фрейзинген, командир конных кнехтов, далее Марк Эвергейм, возглавляющий кавалерию брабантскую. Слева от входа расположились Филипп Куртнэ, Вальтер Герольдсек и фон Отто Гизебрехт, начальники соответственно наваррской пехоты, пеших кнехтов и арагонских стрелков.

Первым из шатра вышел камердинер императора Вильгельм Либенцеллер. Он подал знак герольдам, они подняли свои трубы, приложили их к губам, и над холмом вознесся торжественный, высокий, чуть хрипловатый звук.

– Его величество император!

Фридрих явился. Большой тучный бородатый человек, с одновременно сонным и внимательным взглядом из-под тяжелых век.

Собравшиеся склонились в подобающем полупоклоне.

Трубы герольдов взяли тоном ниже.

Император поднял руку.

Музыка стихла.

– Мы выступаем, господа.

Все знали об этом заранее, но согласно обычаю выразили бурную радость.

– Вильгельм, одеваться!

В тот же момент за спиной Фридриха появились два пажа, в руках у них была императорская кольчуга. Кольчуга необыкновенная, ее изготовили по методу, называвшемуся «ячменное зерно». Суть его в том, что каждое кольцо куется отдельно, причем сверху на одном делается выступ, а снизу отверстие. Выступ пропускается в отверстие соседнего кольца, а затем оба кольца склепываются. Мастера захваченного измором Милана изготовили для императора это чудо кузнечного дела.

Вслед за кольчугою, по всем правилам облачения, Фридриху были надеты наколенники. Каждый состоял из пяти частей кованого железа. Средняя, выпуклая часть свободно скользила при сгибании-разгибании по верхней и нижней частям. Верхняя и нижняя наглухо крепились к кольцам кольчуги. Средняя удерживалась на специальных шарнирах.

Потом настал черед наплечников. Они были выполнены в виде выпуклых кусков железа и ремнями крепились все к той же кольчуге.

Пока продолжалась эта неторопливая, тщательно выверенная процедура, император, чтобы не терять времени, расспрашивал Рахевина, своего секретаря. Он хотел знать, не поступили ли за ночь какие-нибудь новые известия о Саладине².

Оказалось, поступили.

– Говори.

---

² ...известия о Саладине. – Саладин (Салах ад-Дин) (1138–1193) – египетский султан, основатель династии Айюбидов, возглавивший борьбу мусульман против крестоносцев.

Длинный лысоватый секретарь смущенно покашлял.

– Говори же!

– Сведения весьма странные, ваше величество. Доносят, что Саладин приказал срыть стены Арктосиса и Хевана. Эти крепости лежат как раз на нашем пути в Святую землю, если мы не изменим путь движения.

– Мы не изменим путь движения, клянусь тем, ради чего мы сюда прибыли.

– Однако это известие не может не вызвать смущения, – сказал начальник рыцарской кавалерии.

– Он просто распускает такие слухи, которые могли бы вызвать в нас беспечность, – высказал свое мнение Марк Эвергейм.

Ему возразил Филипп Куртнэ:

– Известие, что Саладин срывает стены своих крепостей, вызовет у нас, наоборот, прилив сил.

– Надо еще раз допросить гонца, может быть, его неправильно поняли, – сказал Отто Фрейзинген.

В этот момент императору подвели коня. Он возбужденно похрапывал сквозь отверстия в кожаном наглавнике – шанфройне. Шанфройн был изготовлен из листов плотного пергамента и кожи, которые наклеивались друг на друга еще сырыми. Их натягивали на формовку, воспроизводящую лошадиную голову. Продольная железная полоса проходила от макушки до ноздрей. Отверстия для глаз были защищены с боков железными раковинами. Наушники были совершенно замкнутыми, с обрезанным в виде свистка верхним отверстием. В таком облачении конь был защищен не только от стрел, но и от копий.

– Нет, – сказал император, – никого не надо допрашивать, я уверен, что гонцы сообщили правду. И не надо надеяться, что Саладин сошел с ума, так же как не стоит рассчитывать на то, что таким образом он демонстрирует нам готовность подчиниться.

Собравшиеся у шатра молча ожидали, чем Фридрих завершит свою речь. Он решил помедлить. До того момента, когда взберется на коня. С помощью четырех пажей, руководимых Либенцеллером, ему удалось это сделать.

– Я думаю, нам надо насторожиться, господа. Саладин срыл стены этих крепостей, чтобы у его людей не было соблазна за этими стенами скрываться. Он знает о наших силах. Никогда христианский мир не посылал в Святую землю такого войска.

– И под таким командованием, – пропел Рахевин, но его лесть не была замечена.

– Гарнизоны этих крепостей он присоединит к своему войску, которое, очевидно, слабее нашего. Нам предстоят жестокие сражения, противник будет стоять насмерть.

Военачальники склонили головы в знак почтения к императору и преклонения перед его мудростью.

Императору подали шлем, он был, несомненно, византийской работы. Тулья из вороненого железа с восьмью сходящимися позолоченными полосами. Место их соединения покрывал золоченый шишак. Низ шлема был обит золоченой же полосой с изображениями животных.

Водрузив это тяжеленное и импозантное сооружение на свою мощную голову, Фридрих сказал:

– Нам пора, господа.

Военачальники надели шлемы.

Император набрал воздуха в кольчужную грудь и мощно проревел:

– Гроб Господень, защити нас!

Ответом ему было мощное подспудное гудение сквозь отверстия в шлемах.

– Гроб Господень, защити нас!

Император тронул поводья, и его конь тяжело, уверенно и неторопливо зашагал вниз с зеленого холма.

Дорога шла вдоль ручья. Он постепенно набирал силу, и уже к середине дня можно было смело говорить, что крестоносная армия движется не вдоль ручья, но вдоль реки. Фридрих специально держался рядом с водным потоком, ибо был наслышан, сколько бедствий вынесли рыцари Христа в засушливых палестинских землях как раз от отсутствия благодатной влаги. Помимо благотворной духовной жажды их зверски изводила жажда физическая – для многих великолепных воинов, для многих великолепных армий она стала причиной гибели. Поэтому император положил себе ни в коем случае не повторять ошибок прежних полководцев на этот счет.

С рекой пришлось расстаться лишь тогда, когда она в прямом смысле слова перегородила путь. Она как бы говорила: если хочешь быть в моем обществе, ступай не на юг, как ты наметил, а со мною на восток.

– Будем переправляться, – велел император и, чтобы показать, как это делается, первым отправил своего могучего жеребца в воды потока.

Речка была хотя и быстрой, но неглубокой. Вода едва доставала до стремени. Конь медленно, но уверенно перебирал копытами по каменистому дну.

Справа и слева от императора шумно въезжали в воду и другие рыцари, со смехом прыгали пехотинцы и брели вперед, поднимая над головою копья.

И тут конь Фридриха оступился – копыто соскользнуло с большого плоского камня. Жеребец и император вместе, как огромная укрепленная башня, рухнули вправо. Вода торопливо и жадно накрыла их. Те, кто находился рядом, на мгновение растерялись – они были поражены видом происходящего. Потом сразу с десятков человек бросились в воду. Вода сбивала их с ног, волокла за собой. Кто-то добрался до императора, схватил за руку, попытался поднять, но нога застряла в стремени. Конь тоже бился под водой, он воевал за свою жизнь, но на стороне реки, не давая спасающим как следует подхватить императора.

Когда Фридриха Гогенштауфена вынесли на берег, выяснилось, что он уже испустил дух.

Часть первая

Глава первая. Галера и галиот

Утром двадцать второго мая 1504 года из порта Генуи вышли две галеры, принадлежащие флоту его святейшества Папы Юлия³, «Золотая» и «Бирюзовая». На борту первой из них находился кардинал Антонио Колона – один из ближайших приближенных римского понтифика. Это было не случайно, ибо в трюмах кораблей, направлявшихся в город Чивитавеккья, находился весьма и весьма ценный груз. По той же причине на палубах теснилась многочисленная вооруженная охрана, возле заряженных пушек стояли канониры с тлеющими фитилями, впередсмотрящие неотрывно озирали окружающую водную равнину.

Впрочем, большинство тех, кому выпало участвовать в этом путешествии, относились ко всем этим предосторожностям едва ли не иронически. В самом деле, разве можно представить себе человека, который решился бы напасть на столь мощные и хорошо вооруженные суда, да еще находящиеся под охраной папского авторитета. Среди морских разбойников того времени было предостаточно людей дерзких, но ничего не было слышно о безумцах.

Первые два дня плавания прошли спокойно, и галеры благополучно останавливались на ночь в портах Специи и Ливорно. И кто мог ожидать, что третий день закончится столь трагически.

Его преосвященство восседал в массивном деревянном кресле, установленном в том месте палубы, что называется ахтерпиком⁴, неподалеку от входа в капитанскую каюту. Кстати, на время плавания и сама каюта сделалась корабельным жилищем высокопоставленного римлянина. Судоводителю «Золотой» галеры приходилось ютиться под так называемой сенью. Ее натягивали над кормовой частью судна в жаркое время дня или во время непогоды. Капитан, красноречивый, хриплоголосый генуэзец по имени Пицци, воспринял это изменение в своем образе жизни спокойно. Более того, старался всячески услужить своему гостю, ибо имел определенные виды на будущее. В своих мечтах он представлял себе то командиром одной из эскадр священного флота, то капитаном Генуэзского порта. Кардинал был той фигурой, которая могла помочь осуществлению этих мечтаний.

Антонио Колона, сорокалетний меланхолик со всеми признаками аристократического вырождения на длинном бледном лице, неторопливо завтракал. Держа в тонкопалой руке ножку куропатки, он время от времени откусывал от нее и задумчиво жевал, морща при этом левый глаз, – ему сильно досаждал стук большого барабана, установленного в носовой части галеры. Огромный одноглазый гигант лупил по нему двумя тяжелыми войлочными колотушками. Таким образом задавался ритм всем ста двадцати гребцам, мерно раскачивавшимся вперед-назад на сорока банках вдоль⁵ бортов корабля.

Заметив неудовольствие кардинала, Пицци осторожно приблизился к его правому плечу и, покашляв, спросил:

- Ваше преосвященство, не прикажете ли прекратить?
- Что именно?
- Барабанный бой, насколько я заметил, он мешает вам завтракать.
- Не столько завтракать, сколько думать, милейший капитан.

---

³ ...его святейшества Папы Юлия... – Римскую католическую церковь в это время возглавлял Папа Юлий II (1503–1513).

⁴ ...что называется ахтерпиком... – Ахтерпик – кормовой отсек корабля.

⁵ ...на сорока банках... – Банка – поперечная скамья на гребном судне (лодке).

– Вот именно. – Пицци, стоявший в полупоклоне, уже выпрямился, чтобы отдать соответствующий приказ своему боцману, квадратному кривоногому сардинцу по имени Гро, но кардинал его остановил:

– А что станет с кораблем, если барабанщик перестанет стучать?

– Сначала ничего.

– А потом?

Капитан набрал воздуха в грудь – он не любил говорить правду, и особенно сильно – неприятную правду.

– Гребцы могут сбиться с ритма, «запутать» весла...

– И?

– Мы потеряем немного времени, чтобы вернуться к прежнему порядку.

– Понятно, – скучным голосом сказал его святейшество, ему было велено доставить груз как можно скорее, и он не был расположен терять ни секунды драгоценного времени. – Скажите, капитан, а если в бою вражеская стрела выбьет глаз вашему барабанщику или он упадет за борт, как гребцы узнают, с какой скоростью им следует ворочать весла?

– На этот случай у нас есть Гро, он будет задавать ритм голосом.

– А если...

– А если и ему достанется стрела, тогда...

Капитан не договорил, раздался крик мальчишки-впередсмотрящего:

– Корабль!

– Прошу прощения, ваше преосвященство, – пробормотал капитан и бросился в носовую часть корабля по деревянному настилу, проложенному между банками, на которых раскачивались мокрые от пота кандальники.

Кардинал рассеянно откусил от своей куропатки, но жевать не стал. Появление неизвестного корабля его немного расстроило. Не сильно, но достаточно для того, чтобы пропал аппетит. Втайне он надеялся, что это плавание пройдет без приключений, даже без таких ничтожных, как встреча с неизвестным кораблем. Его преосвященство выплюнул изжеванное мясо на палубу и отшвырнул в сторону недоеденную ножку. Она не упала за борт, а плюхнулась на сиденье между двумя гребцами, сделавшись объектом их вождельных взглядов.

Капитан уже бежал обратно с докладом. На лице его светилась успокаивающая улыбка. Он был рад, что может сообщить его преосвященству новости, развеивающие дым неприятных мыслей.

– Это всего-навсего галиот.

– Что такое «галиот»? – спросил кардинал, являвшийся предельно сухопутным человеком в обычной жизни.

– Такая же галера, как моя, только значительно меньше. У нас арбалетчиков на борту больше, чем людей на ней.

– Вы говорите так, словно он собирается нас атаковать.

Капитан замахал загорелыми волосатыми руками:

– Что вы, что вы! Он идет параллельным курсом и не думает к нам приближаться.

– Не думает? А если задумает?

– У нас есть чем его встретить. Фитили дымятся, а чтобы натянуть арбалет, достаточно нескольких мгновений.

Офицеры «Золотой» галеры, слушая успокаивающие речи капитана, тихо хмыкали, они воспринимали происходящее на ахтерпике как веселый спектакль.

– Кроме того, «Бирюзовая»! – бодро закончил свою речь Пицци и поклонился так, как, по его представлениям, должен был поклониться воспитанный кавалер. Его преосвященство решил, что капитана скрутила короткая судорога.

– При чем здесь «Бирюзовая»?

– Я уверен, что она бросится нам на подмогу. На ее борту тоже есть пушки, арбалеты и гвардейцы.

Кардинал покосился на стоящий слева от его кресла столик с остатками завтрака. Аппетит у него не проснулся, но он счел нужным сказать:

– Спасибо, капитан, вы совершенно меня успокоили.

На лице Пицци появилась восторженная улыбка. Он хотел добавить что-то соответствующее его состоянию, но, не будучи прирожденным оратором, с трудом подбирал слова. С трудом и, главное, долго. Настолько долго, что к нему успел приблизиться лысый боцман и что-то прошептать на ухо. Выражение капитанского лица померкло. Заскучавший было кардинал встревожился:

– Что там у вас?

– Боцман говорит, что «Бирюзовая» отстает.

– Что значит «отстает»? – Его преосвященство нервно покрутился в кресле.

Капитан, ничего не отвечая, бросился на корму. Кардиналу не терпелось самому увидеть, что там происходит, но он не мог как мальчишка бегать взад-вперед по палубе, и ему оставалось одно – нервничать, сидя на месте.

Через несколько минут вернулся смущенный Пицци.

– Так что там? Клянусь ранами святого Себастьяна, вы выведете меня из себя!

– Не думаю, ваше преосвященство, что вам следует расстраиваться. «Бирюзовая» на самом деле отстает, но это ничего не значит.

Кардинал побледнел, хотя казалось, что бледнее уже некуда. Таким образом выражался его священный гнев. Капитан понял, до какой степени им недовольны, и поспешил вычерпать словами возникшее недоразумение:

– Если вы изволите помнить, ваше преосвященство, вечером мы намеревались пристать к берегу в порту Пьомбино. Туда же, вне всякого сомнения, прибудет и «Бирюзовая», так мы договаривались. Мы ведь с самого начала старались не плавать ночью во избежание тех неприятностей, что могут подстергать нас под покровом темноты.

– Хватит!

Капитан поклонился и стащил с шеи красную тряпку, которая служила одним из признаков его флотского достоинства. Галстук был мокр от пота.

– Но нет все же здесь какого-нибудь умысла, а, капитан? Почему это одна галера плавает медленнее другой?

Пицци несколько раз истово перекрестился.

– Помилуй Бог, какой тут может быть умысел! Я не могу так сразу ответить, почему «Бирюзовая» начала отставать, мы давно не выходили в море вместе с нею. Может статься, днище обросло ракушками или гребцов некоторых сморило солнце, такое случается, и случается часто. Повторяю, вам нечего понапрасну себя мучить сомнениями. Сегодня мы увидимся в Пьомбино и даже хорошо, как следует поужинаем. В тамошней портовой трактирии «Синий глухарь» подают такую мальвазию...

– Я бы не волновался, когда бы не этот галиот на горизонте. Не нравится он мне.

Капитан лишь поклонился. Что еще он мог сделать, кроме повторения своих прежних уверений – «Золотая» неприступна.

Натянутое над ахтерпиком полотнище громко хлопнуло, Антонио Колона поморщился от прямого попадания солнечных лучей в лицо. Завтрак не удался. Плавание складывается как-то странно. Настроение отвратительное. Надо отдохнуть.

– Я хочу соснуть.

– Каюта в вашем распоряжении, ваше преосвященство!

Кардинал кисло улыбнулся:

– Разумеется. Я о другом.

– Слушаю. – Взгляд Пицци наполнился угодливым вниманием.

– Я сейчас попытаюсь уснуть.

– Я прикажу, чтобы вас не смели беспокоить.

– Напротив, мне хотелось бы, чтобы меня немедленно побеспокоили, как только на корабле или на море произойдет что-нибудь заслуживающее внимания.

После этого его преосвященство был препровожден двумя офицерами в капитанскую каюту. Он вполне мог бы передвигаться и самостоятельно, но любил получать все причитающиеся его сану знаки внимания. Кардинал слыл в римском обществе отличным наездником и изощренным фехтовальщиком, пользовался огромным успехом у дам, поэтому демонстрация сановной немоции была для него чем-то вроде особого вида развлечения.

Улегшись на спину поверх грубого капитанского одеяла, кардинал довольно долго морщил нос и тихо отфыркивался. Ядовитые корабельные запахи настигли его и здесь. В те времена на морских судах не было ничего похожего на каюты и отхожие места. Если галере не удавалось на ночь пристать к берегу, то все, кто на ней находился, спали на палубе вповалку, причем гребцы оставались при этом прикованными к своим местам на банках. Все это далеко не способствовало сохранению судна в идеально чистом состоянии. Но его преосвященство, даже тревожимый миазмами корабельной атмосферы, размышлял отнюдь не о тяготах, которые приходится испытывать морякам во время их небезопасных плаваний. Он вспоминал последнее заседание папской курии и пытался понять, что значит резкое выступление архиепископа Беневентского и странное молчание его святейшества. Потом мысль Антонио Колоны унеслась еще дальше, он задался вопросом, что представляет сейчас собою испанская политика, можно ли верить кастильскому королю и как отнесется германский император к высадке испанской пехоты в Лигурийской провинции, если таковая произойдет.

Эти высокородные размышления были внезапно прерваны. И даже не появление чрезмерно услужливого капитана с неприятными известиями было тому причиной. Кардинал сам догадался – что-то неладно. Изменился ритм носового барабана. Он стал заметно чаще. Это могло означать только одно – «Золотая» пытается спастись от кого-то бегством.

От кого?!

Его преосвященство встал.

У дверей каюты раздался стук капитанских каблуков.

– Войдите, Пицци!

Красная физиономия появилась в дверном проеме. Впрочем, при таком освещении она казалась черной, как у магрибского кабила⁶. Только белки глаз посверкивали.

– Вы опять станете говорить, что все в порядке, что нам ничто не угрожает?!

– Точно так, ваше преосвященство. Просто этот галиот, тот, что с самого начала плыл за нами, так вот он стал понемногу приближаться к нам. Просто слегка изменил курс. Шел параллельным курсом, а теперь изменил. Поэтому я так, на всякий случай, велел приналечь на весла.

Кардинал решительно, забыв обо всех своих расслабленных манерах, встал. Болтовня капитана его ничуть не успокоила, и он решил лично посмотреть, что там наверху происходит.

А происходило вот что – примерно в миле справа сзади по борту виднелась небольшая галера с двумя мачтами и двумя рядами весел. Даже с такого расстояния было совершенно очевидно, что корабль этот много меньше «Золотой» и никакой опасности для нее представлять не может.

Словно читая мысли кардинала, капитан, стоявший тут же у борта, сказал:

---

⁶ ...как у магрибского кабила. – Магриб – так называлась территория Северной Африки, заселенная арабами. Сейчас на этой земле расположены государства Ливия, Тунис, Алжир, Марокко. Кабилы – одно из берберских племен на территории современных Туниса и Алжира.

– Вы посмотрите, у него даже таран не обит железом! И пушек у него нет. Ни одной.

Кардинал и сам пришел к выводу – преследователь, если это вообще преследователь, по внешнему виду на боевой корабль не похож. На палубе народу мало. Не заметно ничего похожего на предабордажную суету.

Но при всем том галиот этот приближается. Дистанция между ним и галерой неуклонно сокращается.

– Послушайте, капитан, а этот ваш одноглазый...

– Барабанщик?

– Да. Он...

– Его зовут Каим. Это имя мы дали ему сами, настоящее имя его никому не известно. Говорят, что он родом с севера.

Кардинал со свистом втянул воздух узкими бледными губами.

– Меня не интересует, откуда он родом, и как его зовут, меня тоже не интересует. Я только хотел у вас узнать, не может ли этот урод бить своими колотушками побыстрее.

– Вы хотите оторваться от этого галиота?

– Нет, я хочу, чтобы он к нам не приблизился.

Лицо капитана скривилось, но он без звука проглотил кардинальскую иронию и тут же подозвал к себе боцмана. Тот пожал плечами и отправился на нос. Вскоре стало слышно, что звуки барабана начинают постепенно учащаться. По рядам непрерывно качающихся гребцов прокатился тихий, но всеобщий стон – так галерники реагировали на игру одноглазого.

Антонио Колона наклонился над фальшбортом и поглядел вниз. Внизу, на расстоянии каких-нибудь десяти футов, бежала тугая зеленоватая волна. Было полное ощущение, что галера движется быстро, даже очень быстро. Об этом же говорили ритмические стоны гребцов, казалось, что каждый гребок сопровождается у них разрывом сердца.

И тем не менее, когда кардинал оторвал взгляд от морской поверхности и вновь обратил его на неизвестный корабль, то увидел – преследователь (а мысленно он уже считал его таковым) еще более приблизился. Кардинал собрался что-то сказать по этому поводу капитану, но тот опередил его своим замечанием:

– Смотрите, «Бирюзовая» совсем уже уходит за горизонт, клянусь всеми святыми.

– Насколько я знаю, – с тихим ехидством в голосе сказал кардинал, – мы встретимся с нею сегодня вечером в Пьомбино.

– О конечно, ваше преосвященство, – подтвердил Пицци, но голос его при этом звучал не слишком уверенно.

– Перспектива этой встречи меня тоже радует, но все же проследите, чтобы все люди, которые могут понадобиться в случае непредвиденных обстоятельств, были наготове.

– Я думаю, этот галиот скоро уйдет в сторону от нашего курса. Что ему может быть от нас нужно?

– Будем на это надеяться, – сухо сказал кардинал, быстро проследовал в капитанскую каюту и рухнул на лежак. Если бы не сан и чин, он, несомненно, остался бы наверху и лично проследил, чем закончится эпизод с неизвестным кораблем. Но сознание, до какой степени неуместен его вид у корабельного борта, всего в шаге от исполосованных плетью надсмотрщика потных спин, мешало ему это сделать.

Лежа в полутьме, Антонио Колона прислушивался к звукам на палубе, стараясь по их характеру определить, какие там наверху происходят изменения. Попытка вернуться к размышлениям о странностях испанской политики закончилась неудачей. На первый план лезли мысли о том, что будет, если его миссия закончится неудачей. Хотя, честно говоря, о какой неудаче может идти речь, зачем себя запугивать? Ничего страшного не случилось и почти наверняка не случится.

Сверху донесся звук хлесткого удара и сразу вслед за этим глухой стон. Надсмотрщики взяли в руки бичи?

Послышался звук еще одного удара, сопровождаемый не только стоном, но и раскатом пьемонтской брани.

Святая Мария, да они так всех людей перекалечат!

Хотя при чем здесь люди? Никто не спросит Антонио Колону, почему гребцы на его галере покалечены, если задание Папы будет выполнено.

Кардиналу опять захотелось выйти на палубу и посмотреть на происходящее. Как жаль, что с ним нет преданного и понятливого Луиджи! Без своего камердинера его преосвященство было как без глаз.

Придется в этом месте сказать банальность: состояние неизвестности – мучительнейшее из состояний. Родовитый римлянин ворочался, сопел, тихо ругался и в конце концов не выдержал. Выбежал на палубу с твердым решением так или иначе покончить с этим инцидентом. Если этот странный галиот хочет приблизиться, пусть приближается!

– Капитан!

– Я, ваше преосвященство!

– Хватит!

– Что именно?

– Скажите одноглазому северянину, пусть колотит помедленнее.

– Слушаюсь!

– И уберите эти плети! Если эти негодяи передохнут, где мы возьмем новых?

– Когда упадет скорость, нужда в плетях отпадет сама собой. Эй, Гро, скажи ему, пусть немного остынет.

Во время этого диалога кардинал неотрывно всматривался в приближающийся корабль. В нем по-прежнему не видно было ничего опасного. Весла лупят о воду, по палубе бегают лысые люди, о чем-то друг с другом перекрикиваясь.

– Венецианцы, – убежденно сказал один из помощников капитана Пицци.

– Дурак! – ответил тот. – У венецианцев всегда черные паруса.

– Генуэзцы, – высказался другой помощник. – Может, их послали вслед за их преосвященством что-нибудь сообщить?

– Корабли Генуи ходят под зелеными парусами с золотой каймой, – сам опроверг этот домысел кардинал, но это не улучшило его настроения. – Капитан!

– Да, ваше преосвященство!

– Будите ваших арбалетчиков.

– Так вы все-таки думаете...

– Будите! И пусть они рассредоточатся по этому борту. Гвардейцам надеть кирасы и выстроиться на настиле.

– Не слишком ли много чести для таких гостей? – задался кто-то из теснившихся за спиной кардинала риторическим вопросом.

Из-за того, что гребцы «Золотой» галеры почти бросили грести, таинственный галиот буквально накатывал на нее, расстояние сокращалось с каждой секундой. В картине этой неожиданной атаки было нечто такое, что наконец смутило безмятежное спокойствие, царившее в душах итальянцев. Они загудели, засуетились, выбирая, чем бы заняться в этой ситуации. И тут...

Многочисленные бритоголовые люди, плотно стоявшие вдоль левого борта морского гостя, вдруг завопили все разом. Смысл крика был неясен, но это не имело никакого значения. Все, что нужно было понять, объясняли их действия. Из-за спин крикунов явились во множестве белые чалмы и были водружены на бритые головы, в воздухе сверкнули кривые турецкие клинки. И самое главное – зазвенели тетивы многочисленных луков.

Первыми жертвами неожиданного обстрела стали пушкари. Одному стрела пробила горло, второму переносицу, третьему глаз. Все они закончили одинаково – тяжело перевалившись через борт, рухнули в медленно ползущую зеленоватую воду и с шумом затушили в ней драгоценные фитили.

Галиот между тем продолжал приближаться. Гребцы «Золотой» вообще бросили грести, ибо некому было в этот суматошный момент отдать им команду.

Вторая волна стрел досталась арбалетчикам. В их плотном строю было проделано много прорех, и главное, был убит на месте их командир. Это в одно мгновение превратило главную ударную силу папской галеры в толпу разрозненных и испуганных стрелков.

Галиот находился буквально в нескольких десятках футов от атакуемой галеры: со свистом прилетели с его палубы несколько трехпалых крючьев и намертво впились в палубу и фальшборт «Золотой». За каждую веревку схватилось по десятку сарацинских головорезов, и они с ревом потащили ее на себя.

Только в этот момент до капитана Пицци дошло, что происходит с его кораблем, и он прошептал:

– Пираты.

За свою проницательность он был тут же наказан стрелой в живот. Моряк длинно застоялся и медленно упал на колени, взывая о помощи. Стоявший рядом кардинал и не подумал ему помогать, ибо понял – пришло время помогать самому себе. Он отскочил от борта и, пригибаясь, побежал к корме. Несмотря на непродолжительность, путешествие его изобиловало приключениями. Сначала перед ним взлетел вверх вопящий гребец – трехлапый абордажный крюк зацепил его за спину, а десяток старательных сарацин завершили дело, подтащив и прижав крюком тело к борту. Затем, когда кардинал уже подбегал к дверям капитанской каюты, край его окровавленной мантии был намертво припилен к палубе пиратской стрелой. Антонио Колона попытался порвать одеяние ради спасения жизни, но ткань была слишком крепка, поэтому ему пришлось лечь на доски, свернувшись калачиком, и притвориться мертвым.

В этот самый момент атакующий галиот мощно швартовался к борту «Золотой». Процесс этот сопровождался криками, стонами, редкими выстрелами, основную шумовую партию исполнял хруст ломаемых весел.

Все. Борт ударил в борт. Голые по пояс, от пояса до головы татуированные, размахивающие мечами, топорами, саблями сарацины хлынули на палубу папской галеры. Кто-то из офицеров попытался организовать сопротивление, но так ничего толком и не добился. Правда, несколько самых ярых пиратов было расстреляно в упор из арбалетов. Одному пятифунтовая стрела разнесла шальную голову вдребезги, так что владелец не успел даже расстроиться. Полдюжины отрубленных рук полетело в воды Лигурийского моря и сделалось такою же добычей обитателей глубин, как и свалившиеся несколько раньше бдительные фитильщики. Но этих успехов оказалось недостаточно для того, чтобы отразить яростную и в высшей степени профессиональную атаку морских разбойников. Арбалетчики были перебиты или искалечены в одно мгновение и перестали быть защитой своего корабля.

Его преосвященство все так же лежал перед входом в каюту и вновь размышлял, достаточно ли хорошо он притворился тем, чем каждому из смертных предстоит стать по окончании жизненного пути.

Тем временем сражение продолжалось.

Пираты, преодолев первый рубеж обороны, прямо по спинам полусогнувшихся гребцов бросились на атаку второго рубежа. Он состоял из нескольких десятков папских гвардейцев, одетых (по большей части) в кирасы, со шпагами и алебардами в руках. Они стояли вдоль по всему настилу, делившему палубу корабля на две части. По этому настилу в обычное время расхаживали надсмотрщики-биченосцы и людоед боцман.

Гвардия выглядела не очень-то внушительно, страх и растерянность расшатали ее ряды. Единственное, на что она оказалась способна, – отбить первый, совершенно неорганизованный, порывистый бросок пиратов. Зазвенела сталь, алебарды метались в воздухе. Гвардейцы часто промахивались, и удары доставались испуганным, незащищенным спинам гребцов. В ситуации палубного боя кривая короткая сабля была несравненно уместнее и удобнее привычного христианского оружия. Кроме того, любой из пиратов был великолепным фехтовальщиком сам по себе, ибо без этого в те времена просто невозможно было стать пиратом.

Одним словом, «Золотая» была обречена.

Еще несколько отрубленных рук, еще несколько залитых кровью голов, и гвардейцы стали бросать оружие, видя всю бесперспективность сопротивления.

И тогда с борта галиота на борт захваченной галеры была переброшена широкая доска, на которой появился среднего роста, худощавый человек со смуглым лицом, каштановыми волосами и необычными среди подданных стран великого полумесяца голубыми глазами. На голове его грациозно сидела серебряная чалма, на плечах – черный кафтан, расшитый опять-таки серебряными нитями. Довершали наряд карминные шаровары, заправленные в невысокие кожаные сапоги с серебряными каблуками.

В момент его появления установилась полнейшая, благоговейная тишина. Даже раненые стали тише стонать, перестали хлопать полотняный навес над кормой галеры и неубранный парус на центральной мачте.

Словно сдавленный вздох пробежал по залитому кровью и усыпанному трупами кораблю.

Его преосвященство, почувствовав, что немедленная гибель ему не грозит, решил принять подобающее его званию положение. Он встал и попытался приосаниться: пусть этот безумец поймет, с кем имеет дело.

И кто он такой, в конце концов?! Давным-давно пора это выяснить!

В следующий момент, словно отвечая на мысленное желание его преосвященства, по рядам согбенных гребцов пронесся, нарастая, глубокий молитвенный стон:

– О Харудж!!!

Кардинал непроизвольно дернул полу мантии – так выразилась его инстинктивная попытка к бегству. К сожалению, он прекрасно знал, кто такой этот Харудж, черная легенда Западного Средиземноморья. Самый коварный. Самый решительный. Самый жестокий. Самый удачливый. Самый таинственный. И абсолютно неуловимый. Но, по слухам, он погиб на рейде Алжира, затонув вместе с кораблем. Кроме того, он пленен и казнен кабилским беем... или шейхом Арафаром: рассказывали, что бей посадил его на кол. Имеется также сообщение кастильского военачальника Педро Наварро, что сей сарацинский флотоводец им изловлен и обезглавлен неподалеку от крепости Бужи, что на самом побережье Магриба.

И это не считая слухов менее достоверных.

И вот он здесь.

Стоит, улыбаясь и поигрывая дорогой толедской шпагой. Она смотрится весьма странно на фоне пышного мусульманского одеяния. Но у него все не как у всех.

Вот он сделал некое движение изящной вещицей – и мгновенно на палубе образовался всеобщий хаос. Пираты приступили к тому, ради чего, собственно, и атаковали галеру. К грабежу. С воем, улюлюканьем, хохотом они ринулись в подпалубные помещения «Золотой», и оттуда донесся треск выламываемых дверей, бряканье сбиваемых замков и крики восторга при обнаружении чего-либо ценного. Наверху остались только те, кому предстояло связать пленников, и они торопливо занялись этим, вымещая на моряках свое неудовольствие по поводу того, что не могут присоединиться к товарищам.

Харудж, продолжая улыбаться, ступил на палубу захваченной галеры и двинулся вдоль по настилу в направлении странной фигуры на корме. Галерники, сидевшие ближе всего к настилу, хватили его за ноги и норовили поцеловать.

Он не обращал на них внимания.

Кардинал внутренне напрягся при его приближении. Он не верил, что этот сарацин решится причинить вред кардиналу Римской церкви, но внутри у него начал подниматься приступ тошноты.

Подойдя вплотную, Харудж остановился, слегка постукивая лезвием шпаги по кожаному голенищу.

– Вы священник?

– Кардинал Антонио Колона, таково мое имя, – сказал его преосвященство максимально надменным тоном.

В глазах пирата зажглись иронические огоньки.

– Кардинал? В самом деле?!

– Кардинал и специальный посланник его святейшества Папы.

На Харуджа все эти громкие титулы не произвели впечатления. Он не только не испугался, но даже, кажется, не озаботился.

Между тем разграбление галеры шло полным ходом. Из носового отделения два полуголых негра выволокли на свет большой деревянный ящик, распахнули его, и на пол посыпались железные крючья, ножи, стамески, щипцы. Это были инструменты корабельного врача, найденного там же, в деревянной сырой норе, которая считалась одновременно и операционной и госпиталем. Возмущенные тем, что нашли не золото и не серебро, грабители решили выместить свое зло на враче. Заметив это, Харудж крикнул:

– Фикрет!

Рядом с ним мгновенно возник среднего роста сарацин в белой чалме со смоляными усами и в красной плюшевой безрукавке.

– Скажи этим эфиопам, что врач нам еще понадобится, может быть, даже уже сегодня.

Помощник бросился выполнять приказание.

– Итак, кардинал?

Антонио Колона только брезгливо поморщился.

– Что же заставило вас лично отправиться в столь опасное путешествие?

Кардинал молчал.

– Не хотите – не отвечайте, святой отец, я сам догадаюсь, и сделать это будет не слишком трудно, клянусь знаменосцем пророка.

Его преосвященство пожал плечами с деланным безразличием. Он внимательно прислушивался к тому, что творилось под палубой. Судя по всему, бешеные дикари еще не добрались до того главного, перевозчиком чего была галера.

Харудж обошел вокруг неподвижного священника, держась левой рукой за широкий, с потной ямочкой подбородок.

– Кроме вас на борту не менее сотни вооруженных людей. При всем моем уважении к вам, святой отец, я не думаю, что они выделены для охраны вашей персоны, значит...

Харудж не закончил, сзади к нему подбежал Фикрет:

– Господин!

Харудж резко к нему обернулся:

– Нашли что-нибудь?

– В среднем отделении только сложенные паруса и порох. В кладовой много сухого хлеба и колбас, есть вино и сыр.

– Вино и колбасы в море.

– И колбасы? – удивленно переспросил помощник. – А вдруг они не свиные?

– А вдруг свиные?

Фикрет усиленно закивал.

– Что там еще?

– Латы, кирасы, оружие...

– Все это нам пригодится. Пусть начинают перегружать. Нам еще нужно успеть затопить это папское корыто.

Фикрет замер:

– Затопить?

– Затопить, затопить, не будем же мы таскать за собой это тихоходное...

– А гребцы?

– При чем здесь гребцы?

– Среди них много правоверных мусульман.

Харудж поморщился – ему не нравился этот разговор и не нравилось, что завел его Фикрет, преданнейший из преданнейших, человек-тень, готовый в любую секунду отдать жизнь за своего господина.

– Они были так рады твоему появлению, о господин!

Харудж знал, как ему вразумить слишком чувствительного друга, но не здесь, не перед лицом христианского священника этим заниматься! Он просто вперил в черные, лоснящиеся глаза Фикрета свой серо-голубой взгляд, и тот сразу понял, что ему делать дальше.

И тут раздался голос кардинала. Словно почувствовав слабину в лагере противника, он заговорил почти вызывающе:

– По-моему, пришло время и вам представиться.

– В этой части света, на всех его морях, я известен как Харудж, по кличке Барбаросса.

– Но, – кардинал чуть усмехнулся, – отчего же вам присвоена именно такая кличка?

Насколько я могу судить, ваш подбородок брит, на нем нет никакой бороды.

Пират снисходительно хмыкнул:

– Давайте договоримся так: я вам открою свою страшную тайну, а вы мне выдадите тайну этого корабля.

– У этого корабля нет никакой тайны.

– Значит, договорились.

– О чем?!

– Смотрите!

Харудж сунул руку в карман шаровар и одним ловким движением извлек на свет комок крашенных киноварью волос.

– Видите, святой отец, вот он, мой секрет. Я ненавижу бриться, вы знаете, какие манеры у портовых брадобреев. Поэтому, когда этого требуют обстоятельства, я надеваю фальшивую бороду, и, как видите, она, несомненно, рыжего цвета. Видите?

– Вижу.

– Теперь вы.

– Что касается меня, я не ношу фальшивых бород.

– Хватит! Где золото?! Его не может здесь не быть! Где оно, где?!

– Одного я не могу понять: как вас узнали эти каторжные рожи, ведь вы явились перед нами с голым лицом?

– Где золото?!

Харудж подошел к кардиналу вплотную, и его преосвященство впервые всерьез подумал о том, что его сан не слишком надежная защита в данной ситуации.

– Где?!

Антонио Колона в этот момент взвешивал на внутренних весах, что на самом деле дороже – его собственная жизнь или тайный груз, доверенный ему для сопровождения. От мучительных размышлений его избавил мощный рев многочисленных пиратских глоток, потрясший недра галеры.

– Нашли, – прошептал кардинал.

– Нашли! – крикнул Фикрет.

– Нашли, – усмехнулся Харудж.

Через несколько мгновений перед ним стояли два длинных тисовых ящика, обитых черной, как бы обуглившейся медью.

– Заперты, – сказал Фикрет.

Харудж вложил шпагу в ножны, достал из-за пояса короткий, с перламутровой рукоятью стилет и, подойдя к его преосвященству, одним движением распорол ворот мантии.

– Так и знал! – Харудж рассмеялся.

Привязанный к цепочке вместе с нательным крестом, на шее кардинала Колоны висел ключ.

Далее наступил момент, который в жизни даже самого бывалого и удачливого пирата встречается всего лишь несколько раз, если встречается вообще. С ласкающим слух скрипом отворилась тяжелая крышка, отброшен в сторону лист пергамента, и глазам столпившихся пиратов открылась картина, краше которой не сможет нарисовать сам Господь Бог.

Дукаты, дублоны, пиастры, мараведисы, талеры, гинеи, монеты неизвестного вида и происхождения лежали тускло отсвечивающей кучей.

Кто-то из пиратов сглотнул слюну, кто-то застонал, кто-то присел, кого-то одолела слабость, кто-то закрыл глаза, не смея им поверить. Кто-то, не сумев совладать с собой, впадая в некое беспамятство, потянулся дрожащей от вожделения и восторга рукой к золотой куче.

Этим рукам пришлось хуже всего. Блеснул стилет, только что вспоровший кардинальскую мантию, и на золотые монеты закапала кровь, в который уже раз доказывая, что этим двум стихиям от начала и до скончания века суждено быть рядом и вместе.

Его преосвященство в этот момент, как ни удивительно, смотрел не в сторону ценного сундука, но косил взглядом в направлении горизонта. Там обозначилась точка, сулившая вырасти в большую надежду на спасение.

«Бирюзовая» галера!

Кардинал зажмурился, чтобы не выдать себя блеском глаз.

Пираты между тем занялись вторым сундуком. Он восхитил их меньше, хотя тоже не оказался пуст. Сундук был набит драгоценной церковной утварью. Кубки, распятия, кресты.

«Пусть полюбуются, скоты, – думал кардинал. – Еще немного, и «Бирюзовая» подойдет настолько, что им будет не избежать сражения. Надо будет посмотреть, как они справятся с кораблем, готовым к бою во всех отношениях, тут уж на неожиданность рассчитывать не придется».

Все случилось почти так, как предполагал его преосвященство.

Почти.

Сарацины тоже заметили приближение «Бирюзовой», и на некоторое время это их смутило. Но только на некоторое. Капитана же эти чувства не коснулись вовсе. Он, бросив один взгляд в сторону горизонта, другим – оценив свой галиот, третьим – пробежавшись по спинам гребцов, приказал:

– Снимайте чалмы!

Никто не понял, пираты загудели.

– Раздевайте пленников!

Ах вот оно что, дошло до людей Харуджа, и работа закипела. Очень скоро «Золотая» ничем уже не напоминала только что захваченное судно, тем более судно, захваченное сарацинами.

Харудж послал нескольких пиратов на борт галиота для того, чтобы они развернули его в кильватер «Золотой» галере.

– Мы сделаем вид, что генуэзцы захватили нас в плен, это позволит нам спокойно приблизиться к той, второй галере, – сообщил он Фикрету и двум другим своим помощникам,

громадному берберу с клеймом на лбу и горбоносому бровастому арабу. Все трое, немного подумав, разразились восхищенными криками, до такой степени блестящим представлялся им план вожака. Они давно уже привыкли, что Харудж Краснобородый находит выход из любой, даже совершенно безнадежной ситуации, но это не мешало каждый раз восхищаться им заново.

Они тут же бросились организовывать подчиненных им людей. Фикрет обратился к галерникам на всех известных ему языках с просьбой помочь в важном деле.

– Чем? – спросили его.

– Вам нужно делать то, что вы делаете всегда, – грести как следует. И не подавать виду, будто здесь на борту что-то не так. Я вас прошу, но если кто-нибудь решится послушаться и попробует дать генуэзцам сигнал... Я лично перережу ему глотку, – так закончил Фикрет свою дружелюбную речь.

Слегка виляя, из-за того что у нее во время abordжа были повреждены весла левого борта, «Золотая» медленно, но гордо пошла навстречу «Бирюзовой».

Капитан последней был весьма удивлен увиденной картиной. Он получил, так же как несчастный Пицци, вполне определенные инструкции – ни в коем случае не ввязываться ни в какие действия до тех пор, пока ценный груз не будет доставлен в Чивитавеккья. Он очень нервничал из-за того, что его галера оказалась столь тихоходной, и ужасно завидовал этому негодяю Пицци, потому что кардинал, выбрав его корабль, как бы поставил капитана «Золотой» над капитаном «Бирюзовой». И вот теперь, оказывается, есть повод для того, чтобы зависть его сделалась еще более жгучей. Этот Пицци умудрился пленить какое-то враждебное судно. И сделал это на глазах у такого человека, как кардинал Колона.

Если бы офицеры «Бирюзовой» не переговаривались весело и шумно, глядя на приближающуюся парочку, связанную буксиром, они могли бы услышать, как у их капитана скрипят зубы.

– Может быть, отсалютуем им? – предложил кто-то из офицеров.

– Ни в коем случае! Погасите фитили! Не думаю, что мы должны так уж сильно радоваться по случаю успехов капитана Пицци.

– Но позвольте хотя бы развернуть флаги, кардиналу это понравится.

– Никаких флагов! Мы не знаем, что именно там произошло и есть ли настоящий повод радоваться. Отправьте всех людей в подпалубные помещения.

– Зачем?!

– Пусть ложатся спать! Пусть ловят крыс! Пусть делают что хотят, но только пусть не торчат у борта. Не на что тут глазеть. Вы меня поняли?!

Помощники наконец сообразили, что тут дело нешуточное, и приступили к выполнению странных приказаний разъяренного начальника.

Так что когда немного неуверенная в себе «Золотая» подошла к своей подруге, та была совершенно не готова к встрече. Последовал короткий штурм, напоминавший тот, что случился часом ранее. Штурм, которому во всеоружии противостоял один только завистливый капитан. Судьба его была ужасна: он, перед тем как умереть, сделался посмешищем. Капитан бежал по настилу между двумя рядами сидений для галерников и отмахивался тонкой шпагой от хохочущих пиратов, которые в количестве трех десятков человек толпились на носовой и кормовой площадках. Наконец кто-то, наверное из жалости или для того, чтобы не мешал, выстрелил ему из арбалета в спину. Капитан сделал по инерции несколько шагов и завалился влево, на руки гребцов, а те переправили его в море.

«Бирюзовую» обыскали намного быстрее, чем «Золотую», и только потому, что знали, где искать и что. Когда все четыре ящика были доставлены на корабль Харуджа, он подозвал к себе Фикрета:

– Возьми шесть человек и пусти обе эти галеры на дно. Ты понял меня?

Фикрет понял, но было видно, что понимать отказывается.

- Почему ты молчишь?
- Но там наши братья, там...
- Ты хочешь сказать, что больше не веришь мне?
- Нет, что ты!
- Ты хочешь сказать, что я способен на поступки, которые могут служить не только к славе Аллаха, но и в ущерб ему?!
- Нет, я не это хотел сказать!
- Когда-нибудь я обманывал тебя, Фикрет?
- Нет, господин.
- Может, я обманул тебя, когда выкупил из испанского плена?
- Нет!
- Может, я обманывал тебя, когда поил своей кровью на том плоту, чтобы ты не умер от жажды?

Фикрет склонил голову, как человек, которого наказывают.

– Может быть, я лгал, когда топил корабли неверных и грабил их города? Может, не на мои деньги построены мечети в восьми городах Магриба?

– О господин!

Харудж медленно провел ладонью по тому месту, где у него должна была бы находиться знаменитая рыжая борода.

– Так почему ты не веришь мне сейчас? Почему ты не веришь мне, что у нас нет другого выхода, как затопить эти галеры, ибо они свяжут нас по рукам и ногам? Одна, как ты сам знаешь, тихоходна, как черепаха после совокупления, вторая лишилась двух десятков весел. Стоит нам наткнуться на любой христианский корабль, и мы станем его легкой добычей.

– Я понял тебя, господин.

– Я не только господин твой, но и друг. Я хочу, чтобы ты не только мне подчинялся, но и верил.

– Я верю тебе, господин.

– Ты сделаешь то, что я прошу?

– Я сделаю это.

Сей замечательный диалог сопровождался яростным сверканием белков, бурной игрой желваков и прочими вещами в том же роде. Кардинал был невольным свидетелем этой сцены, и она, надо сказать, произвела на него неизгладимое впечатление, но более всего в той ее части, что касалась дальнейшей судьбы захваченных галер. Ему совсем не улыбалось пойти на дно вместе с этими выпотрошенными деревяшками.

Обливающийся внутренними слезами Фикрет помчался выполнять приказание своего удивительного друга-господина. Антонио Колона подал голос. Он кашлянул. Стоявший к нему спиной Харудж обернулся:

– А, вы все еще здесь?

– Да, я здесь и совершенно не разделяю вашего веселья по этому поводу.

– Понял! Вы против того, чтобы я отправлял вас вместе с кораблем ко дну?

– Именно. Аргументы в мою пользу в данной ситуации вы выслушивать вряд ли станете.

– Правильно.

– Тогда послушайте аргументы в вашу пользу.

– Вы воистину святой человек, святой отец. Находясь в подобном положении, вы думаете о благе своего ближнего, не являющегося даже вашим единоверцем. Поразительно! И похвально! И вызывает восхищение!

– И покончим с этим, с вашими неуместными издевательскими восторгами. Поговорим о деле.

– Говорите, если вам ничего больше не приходит на ум в подобный момент.

Кардинал глотал оскорбления, как бискайских устриц, ничуть не морщась.

– Пленив меня, вы можете потребовать выкуп за мою персону. Большой выкуп, смею вас уверить.

– Вы предлагаете обратиться с таким предложением к Папе, в самом деле? Не думаю, что он прислушается ко мне. А ваше возвращение вряд ли будет его заветной мечтой после того, как он узнает о судьбе ящиков. Боюсь даже, что он сочтет их достаточной платой за то, чтобы избавиться от такого расторопного помощника, как вы, кардинал.

– Я имел в виду не Папу.

– Для чего вы тогда выслушивали мои рассуждения?

– Я принадлежу к роду Колона, а это весьма состоятельный род. Отправьте своих людей в Милан, и вы увидите...

Харудж сделался серьезен.

– Я не буду отправлять своих людей в Милан, и в Рим я их тоже не буду отправлять. Их там изловят. И вместо того чтобы дать выкуп, нальют расплавленного свинца в задницу, и они расскажут, где именно нужно искать неуловимого краснобородого Харуджа. Сейчас эта галера пойдет ко дну. И вы пойдете ко дну вместе с ней. Вы никому теперь не нужны. Ни Папе, ни своим родственникам, ни мне.

– Нет, нет, вы не все знаете, я еще не все вам рассказал! – в отчаянье воскликнул кардинал и стал рвать полу мантии.

Обернувшийся на этот крик пират поморщился и крикнул:

– Ахмет!

– Да, господин.

– Прибей одеяние этого неверного гвоздями к полу, так будет надежнее.

– Господин, галера валится набок. Она тонет!

– Что ж, нам придется ее покинуть. Аллах акбар!

В ответ из глоток каторжников вырвались те же самые слова, но наполненные несравнимо большей страстью.

Глава вторая. Монах и монарх

Вогромной каменной келье с закопченным сводчатым потолком горело несколько глиняных светильников, но они были не в состоянии разогнать угрюмый мрак, навечно поселившийся в этих стенах. Пламя стояло вертикально и неподвижно, ни одна струйка живого воздуха не проникала в толстостенный мешок. То же можно было сказать и о настроениях, модах и сплетнях внешнего мира. Их порывы разбивались о преграду пятифутовых стен и страшились таинственного полумрака, в котором царствовал отец Хавьер. Облик его сам по себе внушал уважение – долговязый старик в поношенной серой сутане с орлиным клювом вместо носа и двумя сверлами вместо глаз. Он был немного сутул, как и все высокие сухопарые люди, капюшон, собранный на спине, делал его очень похожим на горбуна. Но никому не пришло бы в голову отнести к этому «горбуну» как к настоящему калеке. Все знали, кто такой этот мрачный чудак. А был он ни больше ни меньше духовником арагонского короля Фердинанда⁷, прозванного за свои подвиги во славу истинной веры Католиком.

Стены кельи были заставлены стеллажами, сколоченными из простых, едва обструганных досок. На них навалом лежали бесчисленные и разнообразные свитки. И пергаментные, и тряпичные, и папирусные, и бумажные. Отец Хавьер десятилетиями собирал свою библиотеку и был уверен, что в определенных отношениях она ныне превосходит собрания папской курии и Парижского университета. Старик – в те давние годы совсем еще молодой человек, – будучи студентом лучшего учебного заведения на пиренейской земле, университета города Саламанка, наткнулся в дальних комнатах тамошней библиотеки на сочинение, перевернувшее его жизнь. Это был трактат Вильгельма Райцингерского «Сатана и антихрист, подробнейший свод всех известных способов явления врага человеческого в жизни мира дневного». По крайней мере, так он перевел название с полузабытого ныне готского языка.

С тех пор ничем иным, кроме как размышлениями над трактатом и чтением книг, к этой теме прикасающихся, он заниматься не мог и не желал. Разумеется, постригся в монахи, вступил в орден, менее всего заботящийся о своем внешнем процветании и материальном богатстве, – сделался францисканцем. Если бы существовало на свете сообщество с еще более аскетическим уставом, с еще большими требованиями к своим членам, он бы выбрал его.

Наверно, жизнь его прошла бы в укромных и упорных разысканиях, когда бы не одно обстоятельство. Однажды на престоле Арагонского королевства оказался человек, отчасти сходный с ним характером и типом устремлений: глубоко верующий и не чуждый мистических наклонностей король Фердинанд. Он отверг светских служителей Божьих, теснившихся возле трона в ожидании королевских благодеяний, и захотел иметь своим духовником человека с безусловным католическим авторитетом. Кардинал Хименес после длительного размышления указал на отца Хавьера. Кардинал считал, что если нет возможности поместить рядом с его величеством человека, преданного ему (кардиналу), то умнее всего поместить там человека, преданного науке: в конце концов, можно, исхитрившись, влиять на его величество и через него. У любого есть слабости.

В результате кардинал оказался прав: он быстро установил, что слабостью непреклонного монаха являются редкие свитки и что, оказывая поддержку в их добыче, можно расположить к себе суровое сердце отца Хавьера.

---

⁷ ...арагонского короля Фердинанда... – Пиренейский полуостров занимало несколько государств: Португалия, Наварра и крупнейшие из них – Арагон с Каталонией и Кастилия. В 1442 г. король Арагона и Сицилии завоевал еще и Неаполитанское королевство. Бракосочетание королевы кастильской Изабеллы (1451–1504) и короля Арагона-Каталонского королевства Фердинанда (1452–1516) в 1469 г. и уния (объединение) 1479 г. положили начало объединенному Испанскому королевству. В 1512 г. Фердинанд присоединил Наварру. После смерти Изабеллы и Фердинанда Католика им наследовал их внук – дон Карлос, окончательно закрепивший объединение Испании.

Монах, являясь инструментом в очень тонкой игре, абсолютно об этом не подозревал. Более того, он продолжал считать себя неподкупным и абсолютно независимым в своих действиях человеком. Король к нему привязался, хотя со временем его стал немного тяготить характер духовника, его прямолинейность, непреклонность, нежелание видеть оттенки событий и их подоплеку. Сам того не замечая, отец Хавьер начал превращаться в фигуру отчасти декоративную. Впрочем, как ему было это заметить, когда почти безвылазно он сидел в своей келье, колдуя над свитками. Он работал над громадным трудом, который должен был не просто дополнить, исправить или освежить труд брата Вильгельма, – этого отцу Хавьеру было мало. Он был уверен, что его книга даст человеку надежное и могущественное оружие в борьбе с маскирующимися силами зла. Когда он доходил до крайней степени творческого возбуждения, ему казалось, что он слышит, как глухо рокочит от нарастающего страха все адские пропасти.

Сегодня, 2 декабря 1515 года, был знаменательный день. Сегодня он закончил один из свитков громадного трактата. Помнится, его величество частенько спрашивал, когда же можно будет ознакомиться хоть с какими-нибудь результатами той титанической работы, что ведется в этой келье. Кажется даже, что в словах его величества было заметно нечто похожее на отвратную светскую иронию. Что ж, теперь есть что ему продемонстрировать.

Два месяца непрерывной, безвылазной работы, и вот он, свиток, готов! Отец Хавьер взял бронзовую песочницу и щедро посыпал нижнюю часть развернутого пергамента, подождал, пока песок впитает чернила, потом тщательно, почти любовно свернул трактат. Взял со стола большую глиняную кружку с поднимающимся из нее языком желтого пламени и направился к двери.

Дверь отворилась с классическим скрипом, за нею был полутемный, вымощенный огромными каменными плитами коридор. Где-то в глубине его горел укрепленный на стене факел, и под этим факелом маячил стражник в кирасе и с алебардой.

Келья отца Хавьера располагалась в той части королевского дворца, которую никак нельзя было назвать парадной. Огромные залы, стосвечовые подсвечники, полированные мраморные полы – ко всему этому старый францисканец был совершенно равнодушен, он сам выбрал себе келью и дорожил ее уютом. Такая чушь, как рассказы о привидениях и оживающих покойниках, его волновала мало, несмотря на то что несколько фамильных герцогских и графских склепов находилось в непосредственной близости от места его ученых занятий.

Сжимая в одной руке драгоценный свиток, а другую приподнимая светильник, отец Хавьер уверенно шел по каменным переходам, не обращая внимания на шныряющих крыс и еще меньше – на почтительно вытягивающихся при его приближении стражников. Те, хотя и знали, кто он такой, в глубине души подозревали, что старик состоит-таки в каком-то родстве с родовитыми покойниками из дальних склепов или по крайней мере с привидениями.

Вот наконец и нужная дверь. Ничего в ней особенного, таких полно в коридоре. Низкая, сводчатая, обитая стальными полосами. Но перед ней стоят сразу два стражника. Они знают отца Хавьера. Старший поднял тяжелое кольцо и несколько раз ударил в железную скобу на двери.

Через несколько мгновений та отворилась.

Совершенно бесшумно.

Отец Хавьер шагнул внутрь.

Там его ждал роскошно разодетый, весь в брабантских кружевах, шелке и бязи, кажется даже напомаженный, господин. В первый момент могло показаться, что это один из ближайших приближенных его величества, не последней руки министр.

– Хуан, – сухо сказал монах, – мне нужно немедленно поговорить с королем.

Камердинера передернуло. Вполне понятно, что он ненавидел странного старика и никак не мог взять в голову, зачем его величество держит это пугало при себе и позволяет вести себя столь бесцеремонно. Вот и сейчас явился ни свет ни заря с этим дурацким светильником

и с таким выражением лица, будто только что открыл, каким образом можно осчастливить Испанское королевство. Каждый такой визит ранил самоуверенного Хуана в самое сердце, но сегодня, кажется, есть возможность получить некоторую сатисфакцию.

– Увы, мой дорогой отец Хавьер.

– При чем здесь «увы»? Мне нужно немедленно видеть короля!

– Увы, его величество, по-видимому, не в состоянии вас принять. Сожалею.

– Что случилось?

– Его величество очень плох.

– Что с ним?

– Простудился на охоте.

– Вчера?

– Да нет, – Хуан позволил себе в высшей степени ядовитую улыбку, – прошло уже никак не меньше двух недель с того случая.

– Почему не сообщили мне?!

Улыбка камердинера превратилась из ядовитой в приторную, отчего сделалась просто невыносимой.

– Его величество не хотел, чтобы вас, святой отец, отрывали от ваших ученых занятий.

– Я духовник короля!

– Бывают случаи, когда человеку более необходим врач.

Отец Хавьер не стал долее разговаривать с жеманным идиотом, вручил ему свой закопченный, липкий от масла светильник и прошел прямо в королевскую спальню.

Фердинанд Арагонский лежал на невероятно широкой, резного дерева кровати, накрытый по пояс атласным одеялом. Окна были занавешены, в спальне стоял тяжелый, спертый от многочисленных канделябров, утыканных полуоплывшими свечами, и специальных жаровен для благовонного окуривания воздуха.

Возле постели сутились два потных медика, стояли широкогорлые фарфоровые кувшины, украшенные золочеными гербами. Тускло отсвечивал начищенный таз, забрызганный изнутри свежей королевской кровью.

Увидев вошедшего, король слабо улыбнулся, его голова развернулась на мокрой от пота подушке с правой щеки на левую.

– Что же вы так долго не приходили, святой отец?

– Прошу простить меня, ваше величество, но я ничего не знал о вашем несчастье.

– Чем же вы занимались все это время?

Отец Хавьер не успел ответить, в разговор вмешался лекарь, тот самый, что производил кровопускание. Он наклонился к уху короля и сказал:

– Вам полегчало, ваше величество.

Произнес он эти слова настолько утвердительным тоном, что Фердинанд повернул к нему лицо и удивленно спросил:

– Да?

Лекарь, деловито раскатывая рукава рубахи, подтвердил.

– Несомненно! И теперь вам лучше соснуть, ибо именно во сне организм человеческий легче всего набирается сил.

В этом совете скрывался и выпад против пропахшего подвалом монаха. Это было неудивительно: отца Хавьера недолюбливали почти все обитатели дворца, в основном потому, что не понимали, на чем зиждется его влияние на короля. Самым же непереносимым в нем было нестяжание. Никаким другим имуществом, кроме затхлой кельи и кучи старинных пергаментов, старик не обладал и обладать не желал. О, если бы он воровал или хотя бы выпрашивал себе дворцы и провинции в награду за непонятную службу!

Надо сказать, что отец Хавьер не обратил внимания на хитрый происк лекаря. Более того, он его не заметил. И тому пришлось удалиться с новой порцией яда в душе.

– Они меня совсем замучили, – слабо пожаловался Фердинанд.

Но духовник его был отнюдь не тем человеком, в ком можно было пробудить жалость. Он дал королю совет, который в подобной ситуации дал бы и себе:

– Так прогоните этого шарлатана.

– Не знаю за что.

– То есть как не знаете? Ведь вам не становится лучше от его лечения.

Тень усмешки пробежала по бледным губам больного.

– Но ведь и прежние врачи помогли мне не больше. Одного из них кардинал Хименес приказал даже казнить, но что толку. Пришедший ему на смену был ничуть не лучше.

Отец Хавьер нахмурил брови и на несколько секунд впал в размышление. С первого приступа проблема одолена им не была, и он принужден был ее отринуть, ибо не хотел распыляться. Он пришел к королевскому ложу совсем с другими целями. И вот, глядя в глаза обессиленному человеку, он начал. Заговорил твердым, непререкаемым тоном. В этот момент за кроватью короля открылась маленькая неприметная дверца, и в комнату вступил кардинал Хименес де Сиснерос.

В интересах читателей мы временно опускаем разговор монаха, монарха и кардинала. Прочитать его можно будет позже, ближе к концу романа.

Наступило молчание. Казалось, самый воздух отдыхает от непрерывного кишения звуков. Король смотрел в потолок, кардинал не видел выражения его глаз, отчего не мог определить его окончательного отношения к услышанному. Он даже не знал, захочет ли Фердинанд говорить. Высказывать же свое мнение вперед королевского он считал и неуместным и неумным.

– Так чего же вы хотите от нас, святой отец? – послышался утомленный голос короля.

У духовника ответ был готов еще до начала разговора:

– Но, ваше величество, по-моему, мне удалось однозначно доказать, что вышеназванный краснобородый Харудж должен быть истреблен. И как можно скорее.

– Но вы же знаете, что главные интересы испанской политики лежат ныне на севере Италии, в Ломбардии. Нам не с руки охотиться за берберским пиратом, даже если у него борода огненно-рыжего цвета.

– Не в бороде дело...

– В бороде, не в бороде... я благодарен вам, святой отец, за ваш огромный труд, но сейчас просил бы меня оставить.

– Мне удалиться без ответа?

– Без ответа.

Не столько обиженный, сколько удивленный, старик попятился к выходу. Последняя фраза была произнесена королем весьма твердо. Когда отец Хавьер вышел, Фердинанд взял кардинала Хименеса за руку бледными, безжизненными пальцами и пробормотал:

– Сейчас я провалюсь из одного кошмара в другой.

Глава третья. Харудж и Алжир

По команде дона Афранио Гомеса, коменданта Пеньонского форта, стрелки первой роты взяли на караул. С борта громадной королевской галеры был спущен швартовочный мостик с высокими золочеными перилами. По нему, медленно переступая на высоких каблуках, сошел на гранитную пристань генерал Игнасио Тобарес, личный посланник и инспектор его католического величества короля Карла I⁸. Он был во всем черном: и мундир, и панталоны, и чулки, и башмаки, и даже кружева, выбивающиеся из-под широких манжет, были выдержаны в траурных красках. Это было неудивительно – Испания оплакивала безвременную кончину христианнейшего из государей своего времени, Фердинанда Католика.

Дон Афранио и его солдаты тоже были облачены в цвета, подходящие случаю. Правда, выражение лиц не наводило на мысль о том, что смерть мадридского правителя для каждого из них стала глубокой личной трагедией. За годы однообразной и опасной африканской службы солдаты успевали растерять многие из своих лучших качеств и по своим представлениям о мире и тайным устремлениям мало чем отличались от тех, с кем им приходилось бороться, то есть от берберских и морисских пиратов⁹.

Сойдя на берег, генерал попал в сухие, церемониальные объятия дона Афранио, они обменялись несколькими обычными в таких случаях фразами. Как здоровье его величества? Как вело себя море во время плавания?

– Теперь прошу отобедать, дон Игнасио. Мой повар-киприот настоящий кудесник, как раз к вашему приезду приготовил один старинный маринад из потрошеного гребешка. Он не просто возвращает силы, но силы молодости, верьте мне.

Генерал отрицательно покачал большой тяжелой головой.

– В чем дело, дон Игнасио? Несварение? Или последствия качки? Но против этой беды есть отличнейшее средство – большой стакан очень сухого хереса. Я прикажу подать немедленно, и вы забудете о том, что когда-то плавали.

– В свое время я отдам должное и вашему вину, и вашим маринадам, дон Афранио, но сейчас предпочел бы заняться делом.

Комендант был потрясен этим заявлением:

– Делом? Каким?

– Меня отправили сюда, чтобы проверить, в каком состоянии находятся оборонительные сооружения острова, и я намерен этим заняться немедленно.

Дон Афранио сталкивался с такой исполнительностью впервые, более того, он даже не слышал, что подобное возможно, поэтому не сразу принял слова столичного гостя всерьез. Но оказалось, что тот не шутит. Он действительно желал без обеда, без хереса идти осматривать пушки.

Наверно, это стиль нового царствования, решил комендант и указал гостю путь к ближайшей батарее. И там сразу же был обнаружен непорядок. Канониры спали между пушками на драных одеялах, грубо выточенные каменные ядра не были даже сложены в пирамиду, а валялись вроссыпь.

Покрасневший от стыда комендант огрел ближайшего сновидца ногами своей шпаги, тот вскочил как ошпаренный. Увидев перед собой такого важного господина, как дон Игнасио,

---

⁸ ...*короля Карла*. – Карл I (дон Карлос) (1500–1558), король Испании с 1516 г. и под именем Карла V Габсбурга император Священной Римской империи (1519–1556), внук Фердинанда Католика в браке с Изабеллой Кастильской и внук императора Священной Римской империи Максимилиана I Габсбурга (1459–1519).

⁹ ...*морисских пиратов*. – Морисками называли арабов Пиренейского полуострова, которые после взятия испанцами Гранады – последнего оплота мусульман на полуострове – были насильно обращены в христианство. Они толпами бежали из Испании и в своем большинстве присоединялись к пиратам.

он потерял дар речи, если только обладал им когда-то. Прочие артиллеристы, продрав глаза, стали тихо расползаться в стороны с вверенной позиции, надеясь, что основная часть гнева достанется бедному Педро. Но генерал оказался человеком справедливым, по десять палок за сон на боевом посту получили все.

– Это батарея резервная, – попытался оправдаться комендант, – мы ее можем использовать только по тем судам, что уже проникли в гавань Алжира, а этого, клянусь святым Домиником, произойти никак не может. Для этого необходимо миновать Пеньон, все двенадцать его внешних батарей.

– Да? – угрюмо спросил генерал. – Что ж, пойдемте посмотрим, в каком состоянии находятся они.

Двинувшись вслед за въедливым гостем, дон Афранио перекрестился.

Он волновался зря. Возле длинноствольных кулеврин, обращенных в сторону моря, никто не спал. Там даже царило оживление, но отнюдь не военизированного свойства. Канониры и охранники играли в кости. Игра эта не считалась официально дозволенной, но вместе с тем комендант не слышал, чтобы увлечение ею когда-нибудь кем-нибудь преследовалось.

Еще не полностью поднявшись по каменным ступеням на платформу, дон Афранио подал команду. Солдаты вскочили и кое-как построились.

Дон Игнасио медленно прошелся вдоль строя, сохраняя на лице самое мрачное выражение.

– Сержант!

Вперед выступил невысокий пузатый человек, украшенный чрезвычайно пышными усами. В глазах у него горела готовность служить и страх оттого, что он не знает как.

– Вон там, – шпага генерала указала на север, – из-за мыса Баб-аль-Уэда, появилась галера. Это галера краснобородого Харуджа. Приказываю тебе, сержант, с твоею командой немедленно потопить ее.

Сержант и прочие вояки удивленно вытянули шеи в том направлении, которое указывала шпага генерала. Разумеется, никакой галеры там не было. Голый пляж с одиноким бедуинским шатром у самой воды.

– Я сейчас отправлюсь в пороховой погреб, и если до того момента, как господин комендант отопрет последний замок, не раздастся выстрел, можете считать себя покойниками.

Эти слова повергли в трепет и недоумение не только солдат, но и самого дона Афранио.

Генерал, отойдя на несколько шагов, полуобернувшись, смягчил угрозу:

– Что же вы медлите? Скоро Харудж минует опасную зону и окажется вне действия ваших пушек, и тогда его люди высадятся на берег и выпустят вам кишки.

Солдатский строй рассыпался, на батарее началась подготовка к стрельбе, весьма напоминающая собой обыкновенную панику.

Дон Афранио бросил на эту не радующую командирский взор картину кислый взгляд и поспешил вслед за мрачным инспектором.

– Теперь мы осмотрим пороховые погреба?

Генерал отрицательно покачал головой:

– В этом нет нужды. Разговаривая с вашими пушкарями, я тем не менее видел, как вы подмигивали вашим ординарцам. Думаю, они уже успели предупредить всех, кого следует, и на всех прочих позициях я найду некое подобие порядка.

Дон Афранио стыдливо склонил голову.

– Что же вы смутились, дорогой хозяин? Ведите меня завтракать. Нет таких служебных нарушений, которые были бы способны лишить меня аппетита.

Комендант расцвел:

– О конечно, конечно!

Усевшись за великолепно накрытый стол, подняв бокал синего венецианского стекла, генерал произнес речь, очень мало напоминающую заздравную. Он сообщил, что после завтрака инспекция батарей Пеньона продолжится и не надо господам офицерам и канонирам надеяться, что выпитая мальвазия ослабит его генеральскую бдительность.

Закончив говорить, дон Игнасио поморщился:

– Что же они?!

Дон Афранио не сразу понял, что имеется в виду.

– Почему до сих пор нет выстрела?!

Генерал обвел собравшихся угрюмым взглядом, сугубо черное одеяние делало фигуру мадридского инспектора почти зловещей. Стакан в его руке дрожал. Генерал с трудом сдерживал рвущуюся наружу ярость.

– Две недели назад была захвачена морискская галера, ее капитан сообщил нам о намерениях своего друга, небезызвестного вам Харуджа, овладеть Алжиром.

Смесь страха и недоверия появилась во взгляде дона Афранио и его людей. Краснобородого они боялись, но вместе с тем им трудно было поверить, что он решится на подобную операцию. Это ведь не отдельный корабль захватить. Тем более что у него уже имеется самый отрицательный опыт в подобного рода делах – неудачный, крайне неудачный штурм Бужи, под стенами которого нашла безвременную гибель одна из его рук. И наконец, у Харуджа уже имеется несколько береговых стоянок. Джебра и не так давно захваченный Мешуар. Зачем ему Алжир?

Возражения эти не были произнесены вслух, но они дошли до генерала.

– Все ваши сомнения мне известны, и мне плевать, сомневаетесь ли вы в реальности угрозы, о которой я говорю, или нет. Его величество послал меня, чтобы я навел здесь порядок, и я его наведу. Сейчас я вам продемонстрирую, каким образом я буду это делать. Видите этот стакан?

На парапет каменной площадки, где был накрыт стол для завтрака, опустилась чайка и сделала вид, что она тоже внимательно прислушивается.

– Только что я отдал приказ вашим канонирам на угловой батарее произвести залп в направлении мыса Баб-аль-Уэда. Я надеялся, что мне удастся полюбоваться этим зрелищем во время завтрака. Но ваши люди все еще медлят. – Генерал ради объективности взял паузу, как будто его голос мог бы заглушить звук пушечного выстрела.

– Сейчас я выпью это благородное вино, и если до тех пор, пока я буду его пить, не прозвучит хотя бы один выстрел, я по-своему поговорю с господами пушкарями.

Дон Игнасио Тобарес медленно поднес пронзенный солнечными лучами, играющий гранями бокал ко рту, припал к нему губами и начал пить.

На парапет приземлилось еще несколько чаек.

Офицеры переглядывались между собой и пытались рассмотреть, что творится на батарее.

Дон Афранио кусал губы. Он знал своих пушкарей, о предстоящей стрельбе их лучше было предупредить накануне вечером.

Дон Игнасио перевернул бокал кверху дном и медленно облизнул губы.

– Пуст!

– Все!

– Святая Мария!

Раздавались и другие голоса, но среди произнесенных возгласов не было ни одного радостного. Генерал поставил померкший бокал на стол.

– То, что у вас отвратительные канониры, я догадывался, но то, что у вас и вино никуда не годится, для меня новость.

Как бы возражая на это убийственное замечание, раздался истеричный залп. Из-под башни, на которой происходил завтрак, на темно-зеленую водную гладь выкатилось клубящееся облако густого белого дыма.

Любопытные чайки рванулись с возмущенным клекотом в разные стороны.

Через несколько мгновений взлетел полосатый бедуинский шатер на краю мыса Баб-аль-Уэда.

Дон Афранио подумал, может быть, стоит этот факт представить как пример необыкновенной точности его артиллеристов, мол, стреляют медленно, зато никогда не мажут, но решил этого не делать.

Генерала это бессмысленно удачное попадание развеселило, и он громогласно расхохотался. Вытирая слезы, он приказал:

– Ко мне этого идиота!

Привели усатого сержанта.

– Это ты стрелял?

– Я командовал.

– Тем хуже для тебя. Повесить!

Дон Афранио не понял, он подсчитывал количество розог, полагающееся за проявленную сержантом нерадивость, – но чтобы виселица?!

Дон Игнасио не шутил:

– Повесить, и немедленно! Вон на той балке, пусть будет видно как можно большему количеству ваших людей. И поспешите, у вас будут и другие дела, кроме висельных.

Двое офицеров отправились исполнять приказание неохотно, но бодро.

Остальные вернулись к столу. Генерал велел всем налить вина.

– Теперь, может быть, мне кто-нибудь расскажет, что это за шатер мы разрушили отнюдь не с Божьей помощью.

Молодой лейтенант Мартин де Варгас, начальник пеньонской пехоты и разведки, сообщил:

– Шатер стоял на краю становища кабилов, это племя Куко, наш союзник. Еще шесть лет назад они присягнули королю Фердинанду. Многие племена, такие как племя Аббас Дану, не говоря о племенах мелких хафсидских царьков, решили, что смерть Фердинанда освобождает их от испанской присяги. Кабилы Куко остались верны нам.

– За это мы бомбардировали их лагерь? Если до этого в моем сердце еще теплилось сомнение, а не слишком ли жестоко я приказал обойтись с нашим усачом, то теперь я вижу – не слишком. Еще два-три таких метких попадания, и у нас не останется союзников.

Офицеры сидели склонив головы.

Генерал продолжал буйствовать и ерничать:

– Среди вас остались еще артиллеристы? Я не всех еще повесил?! Так идите заряжайте ваши пушки, давайте ударим по дворцу шейха Салима. Проверим, понравится ему это или нет, может быть, понравится!

Было видно, что гнев гостя неподделен, и в такой ситуации ему лучше не перечить. Даже сам господин комендант не смел сказать ни слова.

Неожиданно подал голос Мартин де Варгас:

– Прошу прощения, дон Игнасио.

– За что, господин офицер, ведь это не вы стреляли!

– Я хотел бы кое-что объяснить.

– Мне? Хм! Попробуйте. А я пока сделаю еще глоток этого божественного напитка.

– Дело в том, что вред, принесенный этим случайным выстрелом, не так уж велик.

Дон Игнасио, не отрываясь от бокала, что-то булькнул в него и вперил взгляд в говорящего.

– Насколько я знаю обычаи кабилов, на краю становища они ставят шатер для провинившейся жены своего бея. Это делается в надежде на то, что ночью к шатру подкрадется лев и утащит ее.

– Милый обычай.

– Вы абсолютно правы, господин генерал, обычай милый, хотя и отчасти варварский.

Дон Игнасио усмехнулся:

– Но тогда получается, что наш пушкарь – лев!

Все захохотали. Облегченно.

Мартин де Варгас подтвердил насмешливую догадку:

– Да, наш несчастный сержант мог бы претендовать на награду из рук бея племени.

Лицо генерала вдруг сделалось серьезным:

– Так или иначе, но с кабилами нужно объясниться, мне бы не хотелось, чтобы у них появилась хотя бы тень сомнения в нашем дружественном отношении, особенно в такой момент.

Мартин де Варгас встал:

– Я готов отправиться в их лагерь прямо сейчас.

Дон Игнасио покачал головой:

– Нет, туда отправится сам господин комендант.

Дон Афранио покорно поклонился.

– А вы, лейтенант, отправитесь сейчас в город. Нам предстоит проверить, как себя чувствует наша башенная стража, и поговорить с глазу на глаз с шейхом Салимом. Я должен передать ему из рук в руки послание от его преосвященства кардинала Хименеса и лично убедиться, что хитрый араб не замышляет чего-нибудь каверзного против нас. Его письменные уверения весьма цветисты и витиеваты, но почему-то они перестали убеждать его величество.

Генерал встал.

Вслед за ним вскочили все завтракавшие.

За спиной высокого инспектора раздался непонятный шум, послышались звуки короткой возни, вскрик. Генерал посмотрел, что там.

На выступающей из каменной стены деревянной балке болталось, расставаясь с жизнью, жирное тело несчастного сержанта. Наконец оно перестало дергаться, обреченно повисло, в выпученных глазах застыло невиданное недоумение.

– Подавайте шлюпку! – крикнул дон Игнасио Тобарес.

Сразу полдюжины человек кинулись исполнять его приказание. В этом не было нужды, потому что со стороны набережной к острову приближалась большая широкая лодка, специально предназначенная для плавания в этих водах. Акватория Алжирского порта совершенно не годилась для крупных галер и двухпалубных парусников. Дно залива изобиловало многочисленными меловыми наростами. Только по этой причине укромная, хорошо защищенная с моря тройкой каменистых островов гавань никогда и никем всерьез не принималась. Ни карфагеняне, ни римляне, ни арабы не смогли или не захотели воспользоваться ее достоинствами. На берегах гавани еще в античные времена возник небольшой рыбачий поселок, рос он медленно, и к тому времени, когда на него обратило внимание арабское племя, носившее имя саалиба, Аль-Джазаир превратился в некое подобие города. Если смотреть на него с башен Пеньонского форта, он может показаться даже привлекательным на вид. Белые кубики домов на терракотовых склонах, аккуратные минареты, многочисленные сады, извивающаяся зубчатая змея главной оборонительной стены.

Генералу Тобаресу было не до городских красот. Природная подозрительность, да еще подкрепленная мадридскими инструкциями, заставила его отнестись к этой неожиданной лодке с подозрением.

– Что это такое!?

Дон Афранио пожал плечами:

– Очевидно, знак гостеприимства со стороны шейха Салима ат-Туми.

– То есть вы хотите сказать, что этому арабу уже известно о моем прибытии?

– По всей видимости, да. Иначе он бы не прислал столь роскошную лодку. Я, например, за все проведенные здесь годы такой чести не удостоивался ни разу.

Генерал побледнел от ярости:

– Меня волнует не то, насколько высоко меня ценит алжирский правитель, а то, почему он так хорошо осведомлен о том, что происходит у вас на острове!

– Но я не был предупрежден, клянусь муками Спасителя, что ваша миссия является тайной!

– Иногда нужно и собственной головой думать, господин комендант, клянусь теми же самыми муками.

Дон Афранио не привык к тому, чтобы его публично отчитывали, – насупился и помрачнел. К его счастью, этому неприятному разговору не суждено было продолжиться. По широким каменным ступеням к площадке, на которой он происходил, приблизился прибывший на лодке гонец шейха. Это был не кто иной, как сам Камильбек, один из визирей при дворе правителя и начальник его личной охраны. Ходили слухи, что ввиду ослабевшего в последнее время здоровья Салима ат-Туми вся реальная власть в Алжире перешла в руки Камильбека. То, что он лично выехал навстречу мадридскому гостю, надо было рассматривать как в высшей степени дружественный акт. Это слегка смягчило гнев генерала.

Камильбек, рослый, горбоносый араб со сросшимися на переносице густыми бровями, с пронзительным (как и положено начальнику стражи) взглядом, приветствовал генерала благородным полупоклоном. Тот в свою очередь тоже поклонился. Он мог этого и не делать, так или иначе алжирский шейх являлся вассалом испанского короля, не говоря уж о его министрах и стражниках. Но, как говорят в Галисии, «надменный не прав», а дон Тобарес был по происхождению галисийцем. Не важно, кланяешься ли ты в начале дела, главное, чтобы не пришлось кланяться в конце, – народная поговорка, заключающая в себе подобный смысл, была ему также известна.

– Мой господин Салим ат-Туми ждет вас.

Дон Игнасио приказал Мартину де Варгасу, еще двоим офицерам и десятку солдат следовать за ним. Перед тем как погрузиться в лодку, он тихо сказал коменданту:

– Займитесь, наконец, вашими канонирами. На ближайшие трое суток на всех батареях утроенный караул. Все орудия зарядить, увеличьте количество наблюдателей насколько это возможно. Вам лично я разрешаю не есть и не спать и обходить посты каждые полчаса. Если вы проморгаете Харуджа, я не стану посылать доклад о вашем поведении в Мадрид, а разберусь сам. Знаете, что я с вами сделаю?

Дон Афранио прошептал сухими губами:

– Догадываюсь.

– Правильно, я вас повешу. До завтра. Съезжу посмотрю, что творится в городе.

Плоскодонная посудина медленно лавировала между торчащими из дна залива камнями и осторожно приближалась к пристани. Алжирская пристань походила на десятки других в этой части Средиземноморского побережья. Те же чайки на замусоренной воде возле берега. Те же невольники в белых штанах и со следами свежих и давно заживших побоев на спинах. Разносчики-торговцы, портовые стражники и просто зеваки. Плавание гостевой лодки было заметным событием в жизни захудалого порта.

Прибыл кто-то важный.

Надо ждать перемен.

Вопрос – каких?

Этот вопрос задавался на набережной Алжира чаще других.

При виде золоченого испанского мундира скупающая публика заволновалась. Стало быть, произойдут какие-то важные переговоры между шейхом и посланцем из Мадрида. Все в городе слышали о смерти Фердинанда Католика. Одни считали, что она освобождает город от данной присяги, другие считали, что от присяги отказываться ни в коем случае не следует, ибо в ней заключено благо для города. В противном случае он давно бы уже попал в руки какого-нибудь бандита. Испанцы строги, но это неизбежное зло, причем зло известное. Что же принесет чаемая свобода, никому не известно.

Одним словом, брожение умов, и без того имевшее место в городе, усилилось.

Шейх принял высокого гостя в саду своего небольшого и несколько неказистого на вид дворца. Он возник путем механического объединения двух купеческих усадеб, и следы этого объединения были еще не окончательно изжиты. Сад же шейху нравился. Фонтан, устроенный посреди большого квадратного бассейна, успокаивал душу правителя своим замысловатым, приятным лепетом. Розовые кусты источали ласкающие запахи. Здесь можно было подолгу оставаться наедине со своими мыслями.

Перед тем как войти в садовые ворота, генерал остановился и подозвал к себе Мартина де Варгаса:

– Возьмите сейчас пятерых солдат и отправляйтесь к угловой городской башне, проверьте, все ли там в порядке. Вразумите тамошнего офицера, если он до сих пор находится не во всеоружии. Затем перейдите к рыночной башне.

– Именно к рыночной?

– Именно! И вот почему. Из нее есть незаметный выход за пределы городских стен. Сделайте так, чтобы сопровождающие вас саалиба не заметили вашего исчезновения.

– Куда же я должен отправиться, когда выйду за пределы городских стен?

– В Мешуар.

– В Мешуар?

– У меня есть основания думать, что Харудж с основными своими силами находится там. Если это так, то этой же ночью мы окружим его там. Прибывшие со мною суда закроют ему дорогу в море, а кабилы Куко обложат с берега. У него не более пяти сотен сабель, мы сможем выставить до четырех тысяч. К тому же на нашей стороне внезапность.

– Внезапность, господин генерал?

– Что вызывает ваши сомнения?

– Я не уверен, что у Краснобородого нет в Алжире пары-тройки своих людей.

Дон Игнасио ухмыльнулся:

– Я убежден, что они есть и что их не пара-тройка. Изловить их мы не в состоянии, да и времени у нас нет. Мы их обманем. Вид усиленных приготовлений к обороне даст понять Харуджу, что его не только ждут, но еще и боятся. Главное, чтобы он не тронулся с места до завтрашнего утра.

– Теперь мне все понятно, господин генерал, можете на меня рассчитывать.

– Уже рассчитываю, лейтенант!

На глазах у изумленного Камильбека половина испанцев развернулась и быстро зашагала прочь от ворот дворцового сада в направлении городских стен. Ему очень хотелось узнать, чем они станут заниматься, когда пропадут из поля его зрения, но он не мог пренебречь своими прямыми обязанностями.

И они вошли в мир благоухающего покоя.

Салим ат-Туми сидел на мраморном возвышении, заваленном разнообразными подушками. Большими и маленькими, расшитыми и нет, четырехугольными и круглыми. За его спиной стояли два негра и держали в мускулистых руках опахала, сделанные из перьев птицы хаарун.

Глаза правителя были закрыты, на лице блуждала легкая улыбка, тонкие пальцы мечтательно и рассеянно теребили волосы жидкой бородки.

Дон Игнасио без восторга смотрел на алжирского шейха, ему представлялось, что в настоящий момент от него можно было бы ждать поведения повоинственной.

Камильбек, кажется, держался похожего мнения.

Неторопливо огибая бассейн с удивительно голубой водой и двумя стайками золотых и полупрозрачных рыбок, военачальники приблизились к грезящему шейху. И почти одновременно обнаружили, что Салим ат-Туми отнюдь не парит в эмпиреях, а внимательно наблюдает за гостями из глубины как бы смеженных глаз.

«Восточный человек», – с иронией подумал генерал.

«Надо быть с ним поосторожнее», – подумал Камильбек.

Что подумал шейх, осталось неизвестным.

Негры заработали опахалами поживее, и этим как бы вызвали правителя к обычной жизни.

Генерал отставил правую ногу чуть в сторону и назад, снял свой пышный головной убор, левую руку приложил к центру груди. Это был максимум того, что он мог сделать для сидящего шейха Салима согласно этикету.

Камильбек конечно же пластался по мрамору и думал об испанском лейтенанте.

Мартин де Варгас в этот самый момент сбегал по скользким ступенькам угловой башни вниз. Он уже успел отдать все необходимые указания начальнику башенной стражи лейтенанту Ортису и теперь спешил в сторону рынка. Он был в понятном воинственном возбуждении. Ему понравился план генерала. Он знал, что под началом добрейшего дона Афранио ни на какие серьезные успехи рассчитывать не приходится, остается смириться с унылым сидением за стенами неприступного форта в ожидании перевода в более интересное место. Прожить жизнь простым лейтенантом ему не улыбалось.

План дона Игнасио давал ему надежду отличиться.

Лейтенант быстро шел по улице мимо длинного белого саманного забора, солдаты едва поспевали за ним: эти взрослые усачи были начисто лишены честолюбивых устремлений, собственных молодому дворянину.

Улицы были почти пустынные в этот час. Навстречу изредка попадались погонщики ослов, нагруженных большими плетеными корзинами. И вот один такой погонщик, минуя спешащего лейтенанта, бросил на ходу:

– Не спеши, Мартин де Варгас, у тебя все равно ничего не получится.

На мгновение лейтенант замер.

Показалось?!

Отставшие солдаты явно ничего не слышали.

Погонщик со своим ослом уже заворачивал за поворот белого забора.

Догнать, расспросить?

Нет времени! И главное – о чем спрашивать?!

Послышалось, твердо решил лейтенант и зашагал дальше.

Солдаты, решившие, что он просто остановился подождать их, ни о чем не подозревая, потопали дальше.

Вот она, рыночная башня. У входа в нее стоят шатры базарных лекарей и брадобреев. Шатры стоят там, где им совершенно не положено находиться.

Лейтенант выхватил шпагу и заорал:

– А ну-ка вон отсюда!

В шеренге шатров образовалась щель, лейтенант ринулся в нее. Из-за полотняной стены раздался тихий, но отчетливый голос:

– Не спеши, Мартин де Варгас, ничего не получится.

Не раздумывая ни секунды, лейтенант полоснул клинком шпаги по шатру. Шатер был пуст.

Ни хозяина, ни клиента.

Следовавший за ним пехотинец просунул голову внутрь подозрительного заведения.

– Никого!

Лейтенанту сделалось неприятно, что солдат невольно влез в его дела, и он резко командовал:

– За мной!

И вся команда шумно вломила в башню.

– Так ваше посещение вызвано опасениями, я не хочу сказать страхом, что этот краснобородый разбойник может напасть на наш город?

– Да, до нас дошли сведения, которые позволяют иметь такие опасения.

Шейх пощипал бородку.

– Я могу себе представить, что у него хватит дерзости для такого предприятия, но я не могу представить, откуда он возьмет силы, достаточные для этого. Я слышал, что у него неплохо получается, когда дело идет об отдельных галерах, но Алжир при всей своей скромности все же не галера.

Пальцам генерала тоже хотелось чего-нибудь пощипать, и они занялись перьями шляпы.

– Смею напомнить вашей милости, что не более недели назад Харудж овладел крепостью Мешуар, которая располагается не так далеко от стен вашего города. Крепость эта весьма вместительна и охранялась, насколько мне известно, достаточно тщательно. Харудж действовал не столько прямою силой, сколько силою коварства. Кого-то подкупил, кого-то обманул. Когда он вошел в Мешуар, то расправился с побежденными со страшной жестокостью.

– Да?

– Да. Семь десятков заянидов¹⁰, то есть кто мог хоть в малейшей степени претендовать на мешуарское наследство, были им утоплены. На глазах у тех горожан, что не успели спастись бегством.

– Однако! Камильбек, ты слышал об этом?

– Об этом говорят, господин.

Салим ат-Туми длинно, задумчиво вздохнул.

– Но вы не должны волноваться, Алжир под защитой верных вам людей, и этих людей достаточно.

Шейх сделал едва уловимое движение рукой, и из-за спины у него появился маленький рябой человечек с кальяном в руках. Он установил сосуд у левого колена повелителя между подушками. Салим принял длинный костяной мундштук. Перед тем как затянуться, спросил:

– А этот Сослан, бей кабилов Куко, надежный ли он человек? Меня всегда смущал его разбойничий вид.

– О повелитель, внешний вид часто бывает обманчив. Бей Сослан и в самом деле уродлив, но у него верное сердце. Верное вам, господин.

– Тем не менее, когда мы слышим столь тревожащие разговоры, хотелось бы чем-то подкрепить свою уверенность в преданности друзей. Нельзя ли сделать что-нибудь такое, после чего мы бы уже не сомневались в поведении нашего союзника бея Сослана в случае нападения коварного Харуджа?

Дон Игнасио медленно переводил взгляд с одного беседующего на другого. Он не мог понять суть происходящего, и это ему не нравилось. Еще до прибытия в Алжир у него были соображения относительно распределения сил в здешней правящей верхушке, но, кажется,

---

¹⁰ Семь десятков заянидов... – Заяниды – родственники правителя городов Тенес и Мешуар Мулей бу-Заина.

соображения эти устарели. Бей кабилов – близкий друг начальника стражи, но при этом вызывает недоверие шейха. Шейх находится явно на грани впадения в полное младенчество, но начальник стражи медлит с его odstrанением. Кроме того, известно, что старик собирался отдать Камильбеку в жены свою старшую дочь, но не выполняет своего обещания. Его собственные сыновья слишком молоды. После смерти престарелого отца их ждет не алжирский трон, а неминуемая смерть. Не важно, от чьей руки, но неминуемая.

Шейх забулькал холодной водой в кальяне, глаза его сладострастно закрылись. Генерал смотрел на него с нескрываемым сожалением. Ужасная вещь старость. Можно понять, для чего на свете существует смерть, но вот для чего человеку навязана старость...

– Я бы хотел, мой верный Камильбек, чтобы ты отправил сейчас человека к бею Сослану и пригласил его насладиться вместе с нами вечерней трапезой.

Начальник стражи с трудом сдержал улыбку. Улыбку глубокого удовлетворения. Идея, которой шейх противился все последние недели, теперь сама изошла из его уст. Все устраивается как нельзя лучше, как будто сама судьба перешла на сторону Камильбека.

– Ему прибыть одному или с сыновьями?

– Как пожелает. Негоже такому высокородному воину являться в полном одиночестве, без свиты.

– Воистину так.

Камильбек поклонился самым почтительным образом.

Салим повернулся к испанскому гостю:

– Вот видите, дон Игнасио, мы хорошо защищены со стороны суши. Кабилы великолепные наездники, настоящие воины пустыни, морским разбойникам ни за что не пройти сквозь их порядки. К тому же их много: одному Аллаху ведомо сколько. А еще, – Салим слегка наклонился в сторону генерала, – как рассказывают, у них даже кони кусаются.

Начальник стражи, обогнув бассейн, покидал пределы райского сада.

– Всем раздеться, – командовал лейтенант, – снять колеты, кирасы, сапоги.

– Сапоги?!

– Да, мой милый Илларио, и сапоги.

– В чем же мы пойдем?

– Вот в этих войлочных туфлях, местных пастухов они вполне устраивают.

– Но местные пастухи передвигаются пешком.

– Мы тоже пойдем пешком.

– До Мешуара – пешком?

– Человек на лошади привлекает слишком много внимания. Тем более на лошади не пробраться через полосу колючего кустарника.

Солдаты и сержанты, составлявшие стражу рыночной башни, откровенно потешались над людьми Мартина де Варгаса. Голые, босые, и в таком виде им предстояло сбегать до Мешуара и обратно. Лейтенант Тозено, оглядев странную команду, отрицательно покачал головой:

– Нет, Мартин де Варгас, ты не победишь.

Ответом ему был настолько яростный взгляд, что он предпочел не развивать тему.

Набросив обыкновенные бедуинские накидки, скрывая под ними всего по одному короткому кинжалу, люди Мартина де Варгаса выбрались через потайную калитку в стене и скрылись под сенью густых зарослей низкорослой туниССкой акации.

– Теперь, когда мы одни, ваша милость, я хотел бы вас спросить...

Шейх Салим мягким, извиняющимся движением прервал речь дона Игнасио. Тут же снова появился рябой прислужник с подносом сладостей.

– Видите, генерал, Всевышний не пожелал, чтобы мои зубы сохранились в неприкосновенности до сей поры, но почему-то не отнял у меня вместе с зубами и страсть к сладкой еде.

Генерал нетерпеливо поежился – слишком удобный возник момент для того, чтобы объясниться со старым идиотом начистоту. Пусть здесь и Восток, но времени нет, придется переть напролом, иначе явится начальник стражи, и тогда уж не поговоришь.

– Вы расстроены, отведайте вот это ореховое печенье – горный мед, на коем оно замешено, воистину вещь целебная, клянусь печенью самого Ибн Сины.

– Скажите, ваша милость, вы полностью доверяете вашему Камильбеку?

От удивления старец выплюнул виноградину, которую держал в дряблых губах.

– К чему такой вопрос?

– От этого вопроса зависит, может быть, самая ваша жизнь, жизнь ваших детей, а может, и всего племени саалиба.

Шейх сидел с открытым ртом, и было даже непонятно, понимает ли он то, о чем ему говорят.

Генерал решил не снижать напора своих слов:

– Когда меня мотала качка на борту корабля, я не обращал внимания на тошноту и думал об одном: отчего, почему Харудж осмелился задумать нападение на Алжир?

– Почему? – вяло спросил Салим ат-Туми.

– Ведь сил, тех, что собраны в городе и под его стенами, хватит, чтобы справиться с десятью такими шайками, как у него. У нас есть пушки, у нас есть конница, у нас есть крепостные стены. У него нет ничего, кроме наглости. Так почему же он осмеливается дерзать, а?

Шейх осторожно потянулся за выплюнутой виноградиной. Откровенный разговор его явно утомлял и раздражал.

– Я открыл это! – торжествующе объявил дон Игнасио Тобарес.

Салим ат-Туми испуганно на него покосился.

План лейтенанта был верен. Если бы они не передвигались пешком и под покровом растительности, то уже в каких-нибудь двух сотнях шагов наверняка столкнулись с неизвестным кавалерийским разъездом.

– На землю! – скомандовал лейтенант, когда послышались приближающиеся звуки подкованных копыт. Это могли быть кто угодно! И кабилы, которые с некоторых пор считали окрестности Алжира подчиненными себе, и разведчики Харуджа, и просто небольшая шайка разбойников, не состоящих ни под каким командованием, таких на побережье всегда было предостаточно. Встреча с любой из этих компаний могла бы затянуться, а время для лейтенанта Мартина де Варгаса было сейчас в особой цене.

До Мешуара было не так уж далеко, каких-нибудь пятнадцать миль, но в те времена людям редко приходилось передвигаться бегом, античные марафонские подвиги остались далеко в прошлом. Крестьянин ходил пешком, монах ездил на осле, дворянин – на коне, священник или пожилой господин – в повозке, которую в начале XVI века еще трудно было назвать каретой.

Очень скоро раздавшиеся в талии от неумеренного употребления жирного мяса и горячительных напитков войны Мартина де Варгаса стали переходить с бега на шаг. Лица их налились кровью.

Наконец уже упоминавшийся выше Илларио рухнул на жухлую траву и заявил, что если ему суждено сегодня принять смерть от кровавого удара в голову, то он предпочитает встретить ее на этом самом месте, а не гоняться за ней по всему побережью.

Остальные чувствовали себя не лучше.

– Хорошо, – сказал Мартин де Варгас, – за теми деревьями я вижу нечто похожее на хлев. Раз там можно держать скотину, значит, там есть вода. Хулио, ты сходишь. Принесешь немного, по четверти меры на человека, иначе вас не сдвинешь с места.

– Я понял его тайну. Он так уверенно готовится к нападению на Алжир потому, что в городе у него есть союзник. Причем союзник могущественный, способный оказать настоящую поддержку, вы меня понимаете?!

Салим закрыл глаза и помотал головой:

– Камильбек?

– Слава Богу, вы прозреваете.

– Какому?

– Что?

– Какому Богу?

– А-а! В данный момент это не важно.

– Но почему именно он? Из чего вы исходите в своих утверждениях?

Генерал встал со своего низенького, неудобного стула и расправил члены.

– Скажите, он пытался жениться на вашей старшей дочери Алие?

– Он просил ее руки.

– По вашим законам муж старшей дочери может претендовать на трон в случае, если других потомков мужского рода нет или они явно не способны к управлению?

– Может.

– Ваши сыновья юны, поэтому в случае, если бы Камильбек стал вашим зятем, то именно он встал бы во главе саалиба, случись что-нибудь с вами.

Салим молчал, продолжая любоваться мраком, который создавали опущенные веки.

– Думаю, что вы сами сообразили это и поэтому не стали спешить с браком.

– Вы сжимаете своими пальцами мое старое сердце.

– Другими словами, я попал в самую точку.

Дон Игнасио был очень доволен собой, ему удалось коснуться фактически запретной темы, и старик его не прервал.

– Но можете ли вы представить себе, чтобы такой человек, как Камильбек, отступился от своего замысла? Увидев, что прямой путь закрыт, он отправился в обход. Он снесся с Харуджем, и тот пообещал ему поддержку. Дележ будет вполне справедливым, я полагаю: Камильбеку достанется трон, Харуджу – казна. Вся или большая ее часть. Никто не узнает, что Харудж убил вас по просьбе вашего начальника стражи, его имя не будет запятнано кровью, что, по представлениям племени саалиба, очень важно. Краснобородый же пролил ее столько, что одно лишнее пятно не изменит его окраску.

– Замолчите! – вдруг вскрикнул старик шейх. Видно, открывшаяся картина показалась ему слишком устрашающей.

Хулио выскочил из-за дома на открытое пространство и побежал к кустам, в которых прятались его товарищи. Вслед ему неслось несколько кудлатых псов с оскаленными пастьми, следом появился и их хозяин. Высокий, странно одетый человек. Халат у него был черный, на голове высокий остроконечный колпак. Но самое главное, он держал в руках лук. Одним рассчитанным движением он натянул его и выпустил стрелу прямо в спину Хулио.

– Назад! – почти беззвучно скомандовал Мартин де Варгас своим подчиненным. Они и не думали ослушаться, ведь рядом с первым стрелком появилось еще несколько.

– Кто они такие? – спросил Илларио, когда они отбежали на безопасное расстояние.

– Марабуты, – сухо пояснил лейтенант, затягивая ремни на своей обуви.

– А кто такие «марабуты»?

– Дервиши-убийцы. Не думал, что они посмеют так близко подойти к городу. В обычное время они скрываются в небольших заброшенных оазисах и стараются не попадаться на глаза. Сейчас осмелели. Почувствовали приближение большого кровопролития.

– А что же будет с Хулио?

– Помочь ему мы бы все равно не смогли, я почти уверен, что стрела, попавшая ему меж лопаток, отравленная.

– Откуда ты все это знаешь, лейтенант?

– Один такой дервиш попал нам как-то в плен. И мы его допросили. По всем подвальным правилам. Он перед этим выбил глаз нашему капитану. Но хватит, я вижу, все отдышались.

– А попить так и не попили...

– Не скули, Освальдо, если мы выполним поручение генерала Тобареса, ты до конца дней будешь вместо воды пить кипрское.

– Главное, чтобы конец этих дней не подстерег нас за ближайшим кустом.

Петляя между одичавшими пальмами, люди Мартина де Варгаса вновь побежали на восток. Лейтенант на бегу их подбадривал рассказами о том, какие они смогут купить чудеса за те деньги, что им будут выданы в качестве наградных.

– Главное, успеть до захода солнца к стенам Мешуара. Любой ценой.

– Почему... именно... до заката?

– В темноте крепость легче выдать за населенную. Зажигай побольше факелов, и все. Мне нужно все рассмотреть при дневном свете.

– Так беги сам. У тебя ноги легче, чем у меня мысли. Мы же только обуза для тебя.

– Сейчас да, сейчас обуза, но когда мы доберемся до крепости, вы станете тремя парами глаз, мы осмотрим Мешуар с разных точек, ничто не должно от нас укрыться.

– Лейтенант!

– Вижу, вижу. Прячьтесь!

– Это же просто крестьянин со своей арбой. Он везет зелень на рынок.

– Не важно, что он везет, важно, заметил он нас или нет.

Измощенные, с запекшимися ртами, присыпанные белой пылью, стояли пехотинцы в обнимку с волосатыми пальмами. Мимо трусил ничем не примечательный старичок на высокой деревенской повозке, запряженной мулом-трехлетком.

– Он не увидел нас.

– А если увидел, то обязательно расскажет о нас в крепости. Старые крестьяне болтливы.

– Что же делать, лейтенант? Он прибавляет ходу.

Мартин де Варгас поднял с земли средних размеров камень и швырнул в спину старику. Попал точно в затылок. Старик упал спиной на корзины с зеленью.

Повозку мгновенно стащили с дороги, чтобы она никому не бросилась в глаза. Трофеи были невелики – фляга с верблюжьим, полускисшим молоком да приторные смоквы. Жуя их на ходу, команда отправилась дальше.

– Видите вон там, в седловине меж двух голых холмов, башню?

– Это он?

– Ты угадал, Илларио.

– Святая Мария, неужели дошли?

– Теперь нам нужно быть втройне осторожными. Насколько мне известно, нынешний хозяин Мешуара – человек очень хитрый и не любит, когда к нему приближаются без его ведома.

– А кто он, этот хозяин?

– Хм, теперь уже можно рассказать. Сам Харудж, прозванный Краснобородым.

Как ни измучены были солдаты жарой, после подобного сообщения их обожгло морозом.

– Что вы повесили свои носы, клянусь всеми чинами ангельскими и архангельскими, мы закончим это дело как следует. Обратной дороги все равно нет.

– Нет, ты не победишь, Мартин де Варгас, – прошептали чьи-то запекшиеся губы, но лейтенант не услышал. Он смотрел из-под руки на укромную башню, как будто с такого расстояния можно было что-то в ней увидеть.

Те примерно полтора часа, что понадобились двоедушному Камильбеку для того, чтобы доставить к дворцовому дастархану своего друга бея Сослана, генерал Тобарес провел в уговорах старого шейха. Он пытался ему доказать, что двоих этих подозрительных людей надо немедленно арестовать, как только они ступят на порог дворца. Лучше, кстати, прямо и обезглавить их в тот же момент.

Салим ат-Туми, не возражая генералу по существу, всячески старался уклониться от каких-либо решительных шагов. Дон Игнасио пропитывался все большим презрением, видя, как несчастный старик боится своего начальника стражи.

– Может быть, вы, ваша милость, не уверены даже в своих телохранителях? – догадался генерал.

Шейх ничего не ответил и почти с остервенением стал теревить бирюзовые четки.

– Тогда разрешите это сделать моим людям.

– Прошу вас, говорите тише.

– Да, я знаю, стены, уши...

Дон Игнасио задумался. Дело уже не представлялось таким простым, как час тому назад, когда ему удалось убедить шейха во враждебности Камильбека. Если все во дворце, вплоть до телохранителей шейха, – это люди, лично преданные начальнику охраны, есть только один выход...

На другом краю бассейна появился высокий чернобровый евнух-сириец и сообщил певучим голосом, что досточтимый Камильбек вместе со своим гостем ждет у ворот сада позволения войти.

Позволение было дано.

– Ваша милость, позвольте мне хотя бы послать за подкреплением. На городских стенах до трех сотен моих солдат.

– Но если они уйдут со стен, кто будет нашей охраной от вашего страшного Харуджа?

– Харудж в Мешуаре, а оттуда завтра же отправится ко престолу Всевышнего, если вы позволите мне сделать то, что надлежит сделать.

Лицо шейха скривилось как от зубной боли – настойчивость испанца его утомила.

– Когда станет известно, что дворец занят испанскими солдатами, а друг бей Сослана арестован, кабилы войдут в город, и не как наши союзники.

– Но с ними можно будет объясниться, я берусь это уладить.

– Поздно, – сказал шейх.

И в самом деле, Камильбек и его гость приближались к подушечной горе шейха Салима, обходя с разных сторон бассейн с двумя видами рыб. Явление двух военачальников напоминало отчасти боевую операцию.

Хозяин дворца и города только безропотно вздохнул по этому поводу.

Бей Сослан поприветствовал шейха как младший старшего, хотя по всем тогдашним нормам и меркам был ему вполне ровнею. Во время их совместного плавания по заливу с Камильбеком они обговорили последние детали дела, задуманного ими еще несколько месяцев назад. Было решено убить Салима ат-Туми сегодня вечером и свалить все на генерала Тобареса. Легко можно было пустить слух, что ссора произошла во время многочасовой беседы генерала со старым шейхом. Испанец хотел, чтобы владелец Алжира подтвердил свою присягу по отношению к трону испанских королей вне зависимости от того, кто именно сидит на этом троне. Свободолюбивый старик отверг генеральские доводы, чем вызвал его ярость. Дон Игнасио пронзил шейха кинжалом.

Версия казалась обоим заговорщикам вполне убедительной, тем более что на ее стороне готовы были выступить и стражники Камильбека, и кабийская кавалерия, так что активного противодействия ей не предвиделось. Что касалось смерти испанского гостя от рук возмущен-

ных телохранителей шейха, то на ней Камильбек как новый владетель Алжира собирался спекулировать во время переговоров с новым посланцем Мадрида.

Так что когда бей Сослан, чернокожий урод с рассеченным в четырех местах лицом, низко кланялся сидящему, согнувшемуся от тяжести навалившихся забот старику, он приветствовал в его облике не его величие, а скорую и, видимо, отвратительную гибель.

Гостям подали подушки, из-за колонн заструилась бесконечная череда прислужников с подносами в руках, с подносами на головах.

Дон Игнасио поприветствовал нового гостя сдержанно, обожженное солнцем чудовище не вызывало в нем приязни, тем более что он еще не полностью уяснил для себя роль, которую тому предстояло сыграть в сегодняшнем представлении. А что таковое состоится, были убеждены все, кроме, пожалуй, старого шейха.

– А ты что видел, Илларио?

– То же, что и он, Освальдо.

Мартин де Варгас, сидевший в развилке старого орехового дерева, спрыгнул на землю. Он был мрачнее тучи и всего, что принято считать символом мрачности.

Оборванные, изможденные солдаты стояли перед ним в ожидании приказаний, а у него больше не было для них приказов. Он не знал, что ему делать. Но такие люди, как этот лейтенант, никогда не впадают в уныние надолго.

– Ладно, клянусь стигматами святой Бьянки¹¹, вы сделали все, на что были способны. Можете отдохнуть, поискать пищу и воду. На обратном пути попробуйте похоронить Хулио. Марабуты наверняка оставили тело без погребения.

Солдаты удивленно переглядывались, стараясь понять, что задумал их командир. Не наложит ли он на себя руки – на эту мысль наводил его тяжелый, темный взгляд.

– А я тотчас отправляюсь обратно, надобно, чтобы генерал де Тобарес как можно скорее узнал о том, что мы тут увидели. К вам у меня будет только одна просьба – отдайте мне два из ваших четырех кинжалов, подозреваю, что они мне могут понадобиться.

Уже через минуту лейтенант скрылся за стволами ореховой рощи.

Он бежал быстрее, чем в сопровождении своих солдат, его подгоняли отчаяние и стыд. Обманулся в расчетах генерал, но лейтенанту от этого не было легче. Пастушеская обувь давным-давно изорвалась, ноги почернели от кровоподтеков, но он почти не ощущал боли, потому что все перекрывала боль, сжигавшая офицерскую душу.

«Ты не победишь, Мартин де Варгас», – шептал ему каждый орех.

«Ты не победишь, Мартин де Варгас», – кричала летящая параллельным курсом чайка. Что ей надо, безумице, на таком расстоянии от моря?

«Ты не победишь, Мартин де Варгас», – подсказывало бесшумно двигавшееся огромное белое облако, медленно превращаясь в подобие хищной головы.

Но, кажется, не все на этом свете были против него. Сзади раздался стук копыт. Одинок-ий всадник.

Лейтенант рухнул на спину и раскинул руки по сторонам. Из-за поворота дороги появилась конная фигура. Сквозь застилавшую глаза соль лейтенант не мог определить, воин это или просто путник.

Кажется, он не спешит. Увидел лежащего. Недоверчиво потянул поводья на себя. Пожалуй, он не спешится. Не доверяет неподвижности неожиданно найденного на дороге тела. Правильно делает. Пусть только подъедет поближе. Берет чуть вправо, хочет миновать препятствие по обочине. Святой Себастьян, да уподобятся кинжалы мои стрелам, терзавшим твое тело.

---

¹¹ ...клянусь стигматами святой Бьянки... – Стигматы – знаки, проступающие на теле верующих (святых) в тех местах, где в тело распятого Иисуса Христа вошли гвозди: ступни, ладони.

Когда всадник находился уже шагах в пяти, лейтенант вскочил, успел увернуться от длинного хлыста, которым вооружил свою правую руку предусмотрительный бедуин, и попал запущенным изо всех сил кинжалом ему в лоб. К сожалению, не острием, а рукоятью. Но и это принесло свои результаты. Наездник на несколько мгновений ослеп, и этого времени хватило лейтенанту, чтобы вторым кинжалом проткнуть ему грудь.

Тело тучного араба он оставил лежать там, где только что изображал мертвого сам. Конь хорошо слушался поводьев.

У лейтенанта де Варгаса появился шанс вовремя предупредить генерала Игнасио де Тобареса, что крепость Мешуар пуста. Там нет никого, кроме двух дюжин висельников – из числа, видимо, прежних обитателей крепости.

Харудж увел всех. Это могло означать что угодно, но скорей всего означало, что он все ставит на карту последнего удара. Где он его нанесет?!

– Так, значит, его величество молодой король не думает отказываться от прав на Алжир? – Бей Сослан, задавая этот тонкий политический вопрос, решительно и не очень опрятно возился в горе янтарно отсвечивающего плова.

Генерал не считал себя рабом застольного этикета, умел обходиться во время трапезы одним кинжалом, но манипуляции варварского «царька» все же показались ему тошнотворными. Поэтому он ответил ему твердо, может быть, даже резко:

– Не только Алжир есть предмет интересов его католического величества. Взгляд его молодых глаз обращен и в сторону других городов на побережье благословенного Магриба.

– Не назовет ли наш гость, каких именно? – по-царедворски мягко вмешался Камильбек.

– Можно начать с острова Джерба, гнездилища всех морских разбойников в наших краях. После чего, возможно, подумать и о том, что положение султана Тенеса весьма неустойчиво, он с трудом удерживает под своим влиянием и Милиану и Медею.

Генерал сообщал столь много планов своего государя, чем могли рассчитывать его собеседники, что они всерьез задались вопросом, а не наступило ли у высокого мадридского гостя размягчение мозга под воздействием жаркого алжирского солнца или просто это проявление его чрезмерной, столь свойственной всем испанским вельможам гордыни. Генерал тоже прекрасно понимал, что болтает слишком много, но не считал это ошибкой. Все равно те, кто может его понять, будут владеть этими тайнами не долее чем до сегодняшнего вечера. А шейх слишком откровенно клюет носом – он, скорей всего, ничего и не слышал.

– А мне казалось, что испанскую корону занимают лишь дела, вершащиеся в итальянских пределах. Насколько я знаю, сам знаменитый Педро Наварро вынужден был прекратить свои атаки Магриба, поскольку все свободные силы были брошены Мадридом против Франциска – короля Франции.

Генерал усмехнулся – разговор продолжался в стиле безумной откровенности, стороны запросто выкладывали все ведомые им тайны, это приводило к некой девальвации секретов. Все чего-то ждали. Генерал – появления Мартина де Варгаса, с помощью людей которого и наведенных на дворец пушек острова Пенъон он рассчитывал вразумить вождя кабилов. Бей Сослан и начальник стражи ждали известия, что посланные ими люди захватили основные башни городских укреплений и вырезали испанских пехотинцев и теперь они могут перебраться под защиту этих укреплений и не опасаться пенъонских пушек.

Чего ждал шейх? Когда окончится это странное застолье и он сможет спокойно наслаждаться своим кальяном и сном?

А может, он ждал, когда...

Впрочем, это уже не важно.

Раздался взрыв, сотрясший воздух над замершим в неприятном ожидании городом.

Дождались! Но, кажется, не того, чего ждали. Причем все. Это было заметно по растерянным лицам.

Второй взрыв, еще сильнее первого. И тут же целая серия взрывов послабее.

– Что это? – спросил сам себя генерал.

– Это или в гавани, или на островах, – первым сориентировался Камильбек.

Шейх Салим открыл глаза:

– Клянусь Аллахом, я видел сладчайший сон...

Но никто не был в состоянии выслушивать его фантастические рассказы. Не сговариваясь, но одновременно, словно по команде, все три военачальника вскочили на ноги и сначала быстрым шагом, а потом бегом направились в глубь дворца, к лестнице, ведущей наверх, на площадку смотровой башни. Им открылась великолепная картина. На фоне вечернего неба над круглыми, приземистыми фортами острова Пенъон клубились облака пепельно-белого дыма, поднимаясь все выше и выше. Из бойниц прямоугольной батареи, главной угрозы беспечному существованию Алжира, вырвались толстые снопы искр, как из ноздрей доисторического животного, внезапно явившегося из пучин моря. Тяжелый, ошеломляющий грохот прокатился, вызвав сотрясение башни, на которой стояли ошалевшие военачальники.

Первым овладел собою Камильбек. Он повернулся к нему от ужаса и тоски генералу:

– Не кажется ли нашему откровенному гостю, что теперь планы испанской короны относительно владычества в Магрибе сделались дальше от осуществления.

Эта неуместно витиеватая фраза прошла мимо сознания дон Игнасио, он знал только одно – теперь он пропал, теперь его ничто не спасет.

Начальник стражи, полюбовавшись окаменевшим генералом, повернулся к своему другу и увидел, что тот находится в состоянии еще худшем. Его черное лицо сделалось пепельным, а раны на нем исказились так, словно готовились открыться.

– Что случилось?

Ответ на свой вопрос Камильбек не услышал, но увидел. На песчаном мысу Баб-аль-Уэда, находящемся не более чем в миле от стен города, там, где располагались полосатые шатры всадников-кабилов из племени Куко, один за другим вспыхивали костры. Высокие, многочисленные, густо-густо расположенные.

– Что это?! – тревожно спросил начальник стражи, потому что это уже касалось его лично.

Бей Сослан молчал.

По пологому длинному склону в сторону пылающего лагеря кабилов хлынула многочисленная конница. Склон уже скрылся в тени, его в дневное время красноватый цвет сделался темно-бордовым, но на этом фоне можно было рассмотреть белые халаты и белые налобные повязки атакующих всадников.

– Кто это? – сдавленным голосом просипел Камильбек, хотя уже догадался, что ответ будет ужасным.

Бей Сослан медленно открыл рот:

– Аббас Дану.

– Это же твой брат!

– Теперь нет.

– Ты же говорил, что у тебя с ним мир и договор!

– Теперь нет.

– Что же я буду делать без твоих людей?!

Камильбек решительно развернулся. Так или иначе, а следовало сделать то, что было задумано.

Сначала Салим.

Потом испанец.

Потом... Камильбек посмотрел в сторону кабийского властителя. По рваным каналам на его щеках текли слезы, в которых отражались первые звезды, выступившие на быстро темнеющем небе.

Начальник стражи вытащил из ножен свою саблю, рассек ею вечерний воздух и быстро двинулся к лестнице, ведущей вниз с башни.

Внезапные манипуляции с оружием мгновенно отрезвили и испанца и кабила. Их руки тоже потянулись к рукояткам. И они последовали вслед за Камильбеком. Еще не все кончено, надо ждать еще каких-то событий, и лучше их встретить лицом к лицу.

В саду пылало до дюжины жаровен, наполненных ароматическим маслом. Их задача заключалась в том, чтобы ласкать обоняние шейха, разгонять влажный мрак приморской ночи и уничтожать в своем пламени насекомых, если те дерзнут приблизиться к повелителю Алжира.

Сам повелитель продолжал возлежать на подушках во главе пиршественного стола и даже, кажется, не сменил позы, в которой его застал первый взрыв.

Камильбек улыбнулся, увидев его. Не сбежал, старый негодяй. Совсем одряхлел, даже приближение смерти не способен почувствовать.

За спиной начальника стражи появились генерал и кабил. Тоже с обнаженными клинками. Не сговариваясь, они, обходя пруд с фонтаном, направились к блаженствующему старику, нехорошо улыбаясь. Знание участи человека рождает именно такую улыбку на устах убийцы.

Когда Камильбек был уже буквально в нескольких шагах от сидящего шейха, за спиной у того, в темноте, пропитавшей колоннаду, произошло какое-то движение. Освещенный пламенем благоухающих светильников, появился сразу десяток незнакомых людей со взведенными арбалетами в руках.

За спиной у воителей тоже образовалась молчаливая шеренга хорошо вооруженных солдат.

Шейх Салим вздохнул и потянулся к кальяну, теперь уже на его лице образовалась нехорошая улыбка.

Состояние безмолвного недоумения нарушил человек, появившийся за спинами арбалетчиков. Он встал за спиной у владетеля Алжира и так постоял некоторое время, чтобы дать возможность себя рассмотреть. Дабы сразу обратить внимание на самую главную деталь в своем облике, он погладил рукой длинную темную бороду. На свету она должна была выглядеть отчетливо рыжей.

Но эта подсказка не понадобилась. Все трое разными, но одинаково потрясенными головами произнесли одно, только одно слово:

– Харудж!!!

Когда раздался взрыв на острове Пеньон, конь лейтенанта де Варгаса рванул в сторону, так что наездник едва удержался в седле. Он находился совсем недалеко от городских стен, вместе с тем ему стало ясно, что Алжир теперь опасен для него. Он опоздал, он, Мартин де Варгас, не победил!

Лейтенант закрыл глаза и задумался, что же теперь делать. Безумием было бы попытаться проникнуть за городские стены в поисках нерасчетливого генерала Тобареса. Теперь его задание отменено самим ходом событий. Неплохо бы просто-напросто отдохнуть и присмотреться. То есть необходимо отыскать укромное место с широким полем обозрения.

Кажется, я знаю такое место, сказал себе лейтенант.

Да, Мартин де Варгас не выиграл это сражение, но это совсем не значит, что он проиграл войну!

Чувствуя, как в его душе временное опустошение заменяется чем-то похожим на воодушевление, лейтенант тронул поводья коня и направил его по пустынной тропинке вдоль городской стены к морскому берегу.

– Ты обещал мне, сын мой, что воздержишься от пролития крови, когда эти люди попадут к тебе в руки, – проговорил шейх.

Харудж приложил ладонь к груди и чуть поклонился, глаза его улыбались:

– Аллах – свидетель: я это обещал. Аллах же будет свидетелем того, что я выполню это обещание.

Эти слова ничуть не успокоили внезапных пленников, в душах у них кипела взрывчатая смесь из ярости и отчаяния. Всего несколько мгновений назад они полагали себя на вершине успеха, а теперь должны были как-то осваиваться на дне пропасти. Причем они знали точно, что любое движение, особенно резкое, будет стоить им жизни.

– Не предпочтешь ли ты сразиться с кем-нибудь из них, дабы показать, что ты сильнее их не только умом, но и телом?

В ответ на эти слова лукавейшего из шейхов выступил из темноты верный Фикрет и, сверкая злобно белками в сторону старика, крикнул:

– Не верь ему, господин! Этот старик хитрее лиса, ты сам только что мог в этом убедиться.

Харудж поманил к себе пальцем верного слугу и, когда тот приблизился, наотмашь ударил его по лицу.

– Как ты смеешь оскорблять столь достойного человека и нашего союзника и как ты смеешь думать, что можешь оказаться предусмотрительнее меня?!

Фикрет, низко поклонившись, попятился. Харудж повернулся к своим пленникам:

– Клянусь знаменем пророка и его конем, вы, ничтожные черви под копытами этого коня, обрадовались предложению Салима ат-Туми. Вы слышаны о том, что непобедимый Харудж во время штурма злосчастного города Бужи потерял руку. Вы возомнили, что Аллах дает вам шанс спасти ваши смердящие жизни.

– Я не дерусь с инвалидами! – надменно сказал дон Игнасио де Тобарес. Он мог себе это позволить, ибо мог надеяться, что пират в конце концов сохранит ему жизнь. Как-никак он является посланником короля Испании.

Камильбек сам отшвырнул свой клинок и пал на колени перед краснобородым победителем. Ударился головой о мраморный пол с такой силой, что с его лысой головы слетела белая, богато украшенная чалма.

– Господин! Мой господин! И да будет мне даровано право возблагодарить Аллаха за то, что он даровал прозрение моим глазам и я могу видеть теперь истинного алжирского правителя.

Харудж иронически поглядел на подкатившуюся к его богато расшитым сапогам чалму и поднял взгляд на Сослана.

Тот тоже усмехнулся. И произнес:

– Почему бы и нет!

– Что ты имеешь в виду, говоря эти слова, повелитель несуществующего племени?

Сослан прежде всего надеялся хоть немного потянуть время. Он знал, что не все его люди перебиты на мысе Баб-аль-Уэда. Несколько сотен их сейчас рубятся с испанцами, занимающими башни городских укреплений. Если им сопутствует удача, он сможет поторговаться с Харуджем.

К сожалению, бею Сослану было неизвестно то, что отлично видел лейтенант де Варгас, затаившийся в ветвях дерева с пышной густой кроной как раз напротив рыночной башни. Свет многочисленных факелов давал возможность отлично рассмотреть, что происходит на ее широкой верхней площадке. Кучка в два десятка испанских солдат, стоя спиной к спине, отбивалась от шумно толпящихся кабиллов. Их было раза в три больше, но, оказавшись в пешем

строю, они потеряли две трети своих боевых умений, поэтому схватка обещала стать затяжной. Лейтенант уже начал задумываться над тем, как бы ему с пользой для своих вмешаться в это шумное и кровавое безобразие, когда на сцену явилась третья сила.

Пираты, понял лейтенант.

Люди Харуджа кричали мало, а трудились клинками в высшей степени продуктивно. Кабилов охватила паника, и они наверняка были бы мгновенно перебиты, если бы благоразумные испанцы не предпочли покинуть поле боя, отстоять которое не было никакой возможности.

С башни спустились две веревки, и не верящие своему счастью испанцы заспешили по ним вниз, в объятия непроглядной субтропической ночи.

– Я готов тебя убить, Харудж, – произнес бей.

Краснобородый сделал несколько шагов к нему, медленно вытащил правой, единственной своей рукой длинный дейлемитский клинок с узким, почти как у европейской шпаги, лезвием.

Бей Сослан страшно осклабился. Он был готов сражаться. Жажда мести была в нем ничуть не меньше желания сохранить свою жизнь.

Фикрет тихо зарычал, не открывая рта, он представлял себе, что сделает с этим черным уродом, если с головы его господина упадет хотя бы один волос.

Харудж внезапно сбросил длинный сиреневый, расшитый золотыми павлиньими перьями плащ. И что же обнаружилось?! Обе руки знаменитого пирата были на месте.

Вот правая, сжимающая дейлемитский¹² меч.

Вот левая, якобы оторванная ядром при штурме Бужи, вооруженная кинжалом.

Всеобщий вздох удивления пробежал по саду.

Всего лишь на одну секунду Сослан растерялся, и был атакован Харуджем именно в это мгновение. Чтобы выправить положение и занять более удобную для обороны позицию, он сделал большой шаг назад.

Это его и погубило.

За спиной кабила был пруд. Глубиной в два человеческих роста. Житель пустыни относился к воде с подозрением и уж конечно не умел плавать. Оказавшись в ее толще, он мгновенно наглотался золотых рыбок и, отчаянно, но беззвучно барахтаясь, пошел ко дну.

Если бы в саду присутствовали посторонние наблюдатели, они пришли бы в восторг или ужас от созерцания столь неожиданной и решительной победы. Люди Харуджа давно уже перестали удивляться его необыкновенным талантам. Даже появление потерянной руки на прежнем месте их впечатлило не сверх меры. Они продолжали бдительно целиться из своих арбалетов в возможных врагов своего господина.

Харудж повернулся к Камильбеку, все еще стоящему на четвереньках:

– Твое почтение так велико, что ты все еще не решаешься подняться на ноги?

– О непобедимый...

Непобедимый не дал ему продолжить восхвалительную речь:

– Ты сам выбрал эту позу для перехода в мир иной. Да воспользуются мои верные воины монгольским приемом.

Мгновенно к бывшему начальнику подошли два молчаливых человека. Один поставил колено Камильбеку на затылок и завел сложенные ладони под подбородок. Другой ударом сапога подрубил упершиеся в пол руки.

Раздался глухой хруст.

Начальник стражи умер, не потеряв ни капли крови.

---

¹² ...дейлемитский клинок... – Дейлем – горный массив и город к югу от Каспийского моря. Местные ремесленники владели секретом производства высококачественной стали по типу дамасской. Выходцев из этого района называли дейлемитами.

Настала очередь дона Игнасио де Тобареса, генерала гвардии его католического величества. Испанец, наблюдая происходящую расправу, непрерывно шептал молитвы и просил Господа о том, чтобы тот дал ему возможность умереть достойно, если он решил, что ему пора умирать.

– Этого иноземца отведите в темницу. Только именно в темницу: после того, что он здесь увидел, ни один солнечный луч не должен достигать его глаз.

Почему Краснобородый решил применить к испанцу такое наказание, никто не понял и не желал задумываться.

Даже шейх племени саалиба. Старик смотрел и пытался уразуметь, имеет ли он основания считать себя победителем в этой запутаннейшей истории. Да, он избавился от угрозы быть задушенным телохранителями Камильбека, но кто знает, какой угрозе подвергается его жизнь теперь.

Харудж приблизился к старику, так и просидевшему почти в полной неподвижности весь этот сумасшедший день, и, опустив вооруженные руки, сказал:

– Ты имеешь возможность видеть, Салим ат-Туми, то же самое, что видит Аллах: морской воин Харудж, прозываемый франками и кастильцами Барбаросса, всегда выполняет свои обещания. Даже самые мелкие. Я обещал, что не пролью крови своих пленников, и я не пролил ее.

Старик покорно кивнул:

– Воистину так. Да возвестят в Алжире, что город спасен. Испанские пушки взорваны, безумные варвары кабилы рассеяны. Наступает время процветания и благоденствия.

– Да возвестят, – усмехнулся Харудж в свою длинную роскошную бороду.

Глава четвертая. Монах и кардинал

Огромная крытая повозка, запряженная четырьмя мулами, медленно поднималась по извилистой, узкой и пыльной дороге. Высокие колеса с толстыми золочеными спицами или тонули в пепельной пыли на целый вершок, или грохотали железными ободами о проступившие камни. За повозкою тянулся удушливый шлейф. Он окутывал конную охрану, следовавшую позади, вместе с поднятыми вертикально копьями. Всадники чихали, кашляли и тихо сквернословили, несмотря на то что состояли в этой поездке в свите одного из главнейших священнослужителей Испанского королевства.

Его преосвященство кардинал Хименес де Сиснерос третьи сутки изволил вояжировать по пустынным, каменистым пустошам Юго-Восточной Андалусии в поисках своего старинного друга, бывшего королевского духовника отца Хавьера. Окружающая местность совершенно не радовала столичный взор церковного иерарха. Изо дня в день представляли ему все те же белые, заляпанные пятнами сухого мха скалы, безрадостно торчащие из обожженной солнцем земли. Почему-то они наводили его на мысль о плохо погребенном скелете. Иногда можно было увидеть на горизонте торчащий в небо под небольшим углом шест, на конце которого было что-то подвешено. Странно, но первое, что всякий раз приходило на ум при виде этого устройства, – виселица. И только в следующий момент он с облегчением понимал – это всего лишь колодец, а на веревке болтается не висельник, а кожаное ведро. Если подъехать поближе, то можно застать рядом жидкую отарку овец, пригнанную нищим крестьянином на водопой.

– Какой бедный край, ваше преосвященство, одни камни и можжевельники!

Кардинал не считал нужным отвечать на восклицание своего секретаря Скансио. Щекастый юноша с морщинистым, пожилым лбом держал на коленях разложенный лист пергамента, в левой руке сжимал круглую серебряную чернильницу, в правой – длинное, красиво раскрашенное гусиное перо. Секретарь, как ему было и положено, старательно описывал путешествие его преосвященства, не упуская малейших деталей. Трясая повозка явно уступала кабинетному столу по своему удобству, это выводило Скансио из себя. Это мешало ему записать тонкое наблюдение о запасах диких камней и выгоревших можжевельниках на равнинах Юго-Восточной Андалусии.

Поза секретаря вдруг представилась кардиналу похожей на церемониальную посадку короля: чернильница – держава, перо – скипетр. Но его преосвященство даже не улыбнулся этому пародийному намеку.

– Клянусь самым крестным путем нашего Спасителя, здешние дороги еще хуже здешних пейзажей!

– Не забудьте записать эту мысль, дорогой мой Скансио!

– Дорогой-то я, может быть, и дорогой, но что мне делать с этой... – Правое переднее колесо налетело на особенно большой камень, потрясенная чернильница плюнула секретарю прямо в глаз. Но даже вид этой неожиданной «семейной ссоры» не развеселил старика. Трудно радоваться мелким шалостям обстоятельств, когда сам являешься игрушкой в руках судьбы.

Вот уже трое суток кардинальская экспедиция не могла набрести на то место, где пожелал уединиться отец Хавьер, несмотря на то что было известно, как оно называется. Путь, по которому их отправил алькальд¹³ города Уэго, оказался ложным. Крестьяне и пастухи, к чьей помощи решено было прибегать по дороге, охотно соглашались помочь, но лучше бы не соглашались. Их очень пространные и очень невразумительные советы совершенно запутали мозги кардинальского возницы. Когда же Скансио решил выяснить, в чем дело, и подробно

---

¹³ ...отправил алькальд... – Алькальд – административный глава города, мэр.

пообщался с угрюмым андалусцем, сидевшим на козлах повозки, то пришел в ужас и объявил, что тот, по всей видимости, является родственником Колумба.

– Почему?

– Потому, ваше преосвященство, что когда он отправляется в Артубо¹⁴, к отцу Хавьеру, то оказывается там, где есть только камни и можжевельники. Надо было сразу велеть ему ехать к камням, тогда вы давно бы уже беседовали с отцом Хавьером.

В те времена ошибка, совершенная великим мореплавателем, еще не стала для всех очевидной, поэтому шутка широко образованного секретаря получилась слишком тонкой. Настолько, что его преосвященству показалось, что большая голова с морщинистым лбом просто перегрелась на солнце.

Между тем что-то нужно было делать. Кардинал решил двигаться прямо, пока не появится на горизонте человек, у которого можно будет лично все расспросить, не доверяясь тупым возницам и умным секретарям, или не встретится деревня, где можно будет взять проводника до местечка под названием Артубо.

Когда Скансио начал мстительно заносить бледный кулачок над плюющим письменным прибором, его преосвященство, отодвинув шторку на окне, выглянул наружу. Шагах в пятистах от дороги он увидел очередной колодец с вознесенным вверх ведром.

– Стой! – скомандовал он.

Тут же явился начальник стражи.

– Поезжайте к тому колодцу, и если там есть кто-нибудь, приведите. Одного пастуха, овец его сюда приглашать не надо, капитан.

Кардинал уже успел составить себе весьма нелестное представление об умственных способностях своих спутников, поэтому последнее замечание не содержало в себе никакой иронии, он и в самом деле опасался, что запыленный капитан захочет представить ему и стадо, если обнаружит его.

– Дорогой мой Скансио, вы решили сделаться мавром?

Физиономия секретаря была старательно перепачкана – следствие попыток как следует ее оттереть от расплескавшихся чернил.

– Ах, ваше преосвященство, жестоки ваши шутки! Вы же знаете, меня пытались обвинить, что мои родители состояли в связи с этими предателями веры морисками.

– А разве нет?

Было видно, как побледнел секретарь сквозь густые чернильные румяна.

– Жестокие, клянусь, очень жестокие шутки. Знаете, где мне задавали такие вопросы?

– Знаю. Их вам задавали в пыточной камере. И знаю кто. Отцы инквизиторы. И знаю, что они при этом делали.

Скансио опустил голову.

– Они показывали вам орудия пытки и объясняли, как действует каждое из них. Верно?

– Верно, ваше преосвященство, – прошептал секретарь, не поднимая головы. Он изо всех сил старался понять, отчего это вдруг кардинал взял такой воистину инквизиторский тон по отношению к нему, человеку многожды раз проверенному, человеку преданному искренне и навсегда. Может быть, он позволил себе что-нибудь лишнее, сократил дистанцию? Святая Мария, неужели?! Нет, его преосвященство любит, чтобы с ним общались живо, по-человечески, как он говорит. Разумеется, только в отсутствие посторонних глаз. Господи, откуда в этой пустыне им взяться?! Тогда остается только одно объяснение – усталость и жара.

– А знаете, почему вас так и не стали пытать?

– Нет, ваше преосвященство, я...

---

¹⁴ ...отправляется в Артубо... – оказывается там, где есть только камни... – Намек на великого мореплавателя Колумба, который, поплыв открывать Индию, открыл Америку, но так об этом и не узнал.

Скансио не успел закончить свою мысль, послышался стук копыт.

Кардинал выглянул в окно. Офицер был в замешательстве.

– Что, там никого нет?

– Это не колодец, ваше преосвященство.

– А что?

– Это виселица.

Кардинал задернул занавеску и откинулся на сиденье. Углы рта надменно обвисли, глаза мстительно прищурились. Скансио внутренне вздрогнул, он догадывался, кому будет мстить за свою неудачу его преосвященство, считающее себя Совершенством.

За занавеской вновь зазвучал голос капитана:

– Но к нам приближается какой-то всадник.

– Всадник! – крикнул Скансио почти радостным голосом. – Так расспросите его немедленно, как нам добраться до этого треклятого Артубо. И больше не беспокойте его преосвященство такими пустяками. Видите ли, он, капитан гвардии, не может отличить колодец от виселицы!

К хижине отца Хавьера не вела ни одна дорога, поэтому кардиналу пришлось оставить повозку. Передвижение верхом ему в силу возраста было недоступно. Пришлось идти пешком. Его преосвященство был готов к тому, что это путешествие вынудит его снести определенное количество унижений. Он даже прикинул в уме, сколько именно их будет и примерно каких. Но он не мог предположить, что ему придется тащиться пешком через колючие заросли в сопровождении отворачивающихся от стыда офицеров своей гвардии.

Он чуть было не вспылil. Несколько слоев красных и бледных пятен легло на горделивое лицо. Но, слава Богу, не только чувства кипели в родовитой душе, но и мысли в умной голове. Что, в сущности, есть эта унижительная прогулка в сравнении с тем унижением, которым можно было бы считать решение ехать сюда, в дебри Андалусии? Но как учат отцы церкви, иногда именно в самоуничтожении первый шаг к спасению.

– Дайте мне вашу булавку, Скансио.

Секретарь охотно и быстро отстегнул большую голландскую булавку, украшенную потускневшими мелкими камушками, последнюю память о почившей матушке, и протянул кардиналу.

– Поднимите мне полы сутаны и заверните кверху.

Его преосвященство собственноручно закрепил секретарской булавкой сие изменение в своем туалете.

– Идемте!

Дом отца Хавьера был сложен из больших, грубо обтесанных камней, вход ничем не загорожен, на крыше росла сорная трава, к внешней стене был прислонен крест, вырубленный из ноздреватого местного песчаника. У подножия его стояла широкая глиняная чаша, такие в доминиканских монастырях используют для принятия подношений.

Если честно, жилище это производило впечатление необитаемого. И его преосвященство, и вся его свита стояли некоторое время, не смея произнести ни звука. Тяжелая темнота внутри дома казалась им небезопасной. Хотя чего было опасаться десятку хорошо вооруженных гвардейцев в этом скудно обитаемом месте?

Этот праздник почтительной осторожности мог бы продлиться Бог весть сколько, когда бы не петух. Он появился неведомо откуда на крыше жилища над самым входом и издал непонятного свойства звук. Звук мало походил на утреннее голосистое пение, но был тем не менее достаточно громок.

Внутри строения раздалось старческое ворчание, зашаркали подошвы, и на пороге появился невысокий, почти лысый кривоногий старичок. Он подслеповато прищурился и начал вытирать руки о кожаный фартук.

Кардинал выпучил свои много повидавшие на свете глаза. Его трудно было удивить, но тут он удивился. Не может же быть, чтобы отец Хавьер, непреклонный, гордый, высокий, художавый отец Хавьер, превратился в это пузатое подслеповатое чучело! Затворническая жизнь тяжела, но не до такой же степени! И не может же он, дон Хименес де Сиснерос, обратиться с какими бы то ни было просьбами к этому... существу!

– Это мой слуга Педро!

Его преосвященство обернулся настолько стремительно, что разогнулась голландская булавка и полы сутаны упали вниз.

– Я наблюдаю за вами с того момента, как вы приблизились к моему жилищу.

– Отчего же вы, святой отец, не подали голос?

Кардинал узнал бывшего королевского духовника и неожиданно проникся к нему чувством, похожим на благодарность, за то, что он не лыс и не подслеповат.

– Я пытался по вашему поведению определить цель вашего появления.

Его преосвященство улыбнулся:

– И что же, определили?

Отец Хавьер спокойно ответил:

– Да.

Тут уж заулыбались все: и секретарь, и начальник охраны, и простые солдаты.

– Что же вы ответите на ту просьбу, которую мы смиренно решаемся положить к вашим ногам?

Кардинал задал этот вопрос чуть насмешливым тоном и в тот же момент пожалел об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.